

Бластелница Богатова

Исцеленное сердце

Властелина Богатова
Исцелённое сердце

«Литнет»

2018

Богатова В.

Исцелённое сердце / В. Богатова — «Литнет», 2018

Страсть и безумная тяга, поглотившие Зариславу и княжича, отделили их от внешнего мира. Обретя своё пристанище и основав на новом месте своё гнёздышко, они не замечали грозящую опасность, надвигающуюся на них холодным маревом, суля беду. И даже всевидящая колдунья не смогла распознать коварство и злой умысел врагов. Плата ли это за дар или судьба поквиталась с травницей за когда-то украденное ею сердце, то ещё предстоит узнать.

© Богатова В., 2018

© Литнет, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1. По следу	8
Глава 2. Беглецы	12
Глава 3. Бессонная ночь	16
Глава 4. Побег из детинца	22
Глава 5. Болото	27
Глава 6. Новое пристанище	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Пролог

Пролог

Неприметная стёжка петляла меж зарослей ельника, перемежавшегося бледными берёзами. Месяц Вересень[1] как не ждала того земля, выдался дождливым. В лесу пахло горьковато-влажной, успевшей пропреть листвой. Небо хмурилось, и молодой женщине казалось, что из недр его взирает суровый глаз Богини-пряхи. Сколько же она молилась ей, желая всем сердцем рождения чада. Вот уж третья зима минула, а чрево её так и остаётся пустым, ну точно пустоцвет по весне. За что ей такое наказание, злой рок ли? И какой в ней толк, если не может плод зачать, не в силах в жизнь явить ни одного наследника? Да хотя бы дочку! Даже ей, долгожданной, была бы счастлива без меры. Но и девочку Боги не давали. Уж как ни молилась, каких даров да жертв ни преподносила девам Рожаницам[2], сколь бы ни обивала пороги знахарок и ведуний, обрядов и ритуалов каких только ни совершала, а толка никакого - не зачала дитя. Вот и муж охладел, презирать стал, злиться. Пристрастился к пирам, да крепкой медовухе. Угасли очи его, нет в них былого пыла. Остыл. Ныне ночью пришла к нему, а он прогнал...

Только ноша лишняя земле-матушке! Так горько сделалось на сердце, что в порыве горя бросилась бежать, куда глаза глядят.

Горячие слёзы катились по щекам, застилали взор, и не заметила она, как сбилась со стёжки. Вот и хорошо. Лучше сгинуть ей в лесу! Пусть Боги распорядятся её судьбой. Если заберут, то и Бог с ней, с этой жизнью...

Сколько бежала, в горячке княгиня не помнила. А когда пришла в чувство, поняла, что забрела в непроходимые кущи. Назад не повернула, всё глубже уходила в лес. Идти уже было сложно, приходилось продираться через кустарники вереса. Подол простого платья то и дело цеплялся за корявые ветки, и плат давно сбилась с головы, волосы русые растрепались. За пеленой слёз и сгустившегося сумрака не разобрала, куда ступает, и, споткнувшись о корень, рухнула на колени в мягкую перину из жёлтых листьев. Она сжалась, унимая душившие её рыдания. А когда опомнилась, прошло уже много времени. Княгиня завертела головой, только и блестели, как мокрые листья, широко распахнутые, серые, похожие на грозное небо глаза. Кругом обступала крепь одна непроходимая из высоченных, набухших влагой деревьев. Заплутала. И слава Богине Всесущей, пусть забирает её пустоцветную! В груди будто мокрый снег скопился, отяжеляя брренное тело. И боль продолжала невыносимо терзать её сердце. Она схватилась за голову и, согнувшись в поясе, прильнула к земле. Зарыдала в голос, вздрагивая. Душила острая обида на жизнь, на всех Богов. А ведь начиналось всё так хорошо, и узы эти обещали безбедную, безгорестную жизнь, только и пожинай плоды. И страсть была кипучая в муже к ней, и власть огромна, да преданность народа: всё плыло в руки. А теперь треснула жизнь, как скорлупа, утекает, так и не породившая новую жизнь... Хватаясь за последнюю ниточку, княгиня горячо зашептала:

- Светлая Рожана-матушка, не дай оскудеть роду. Освяти чрево моё благодатной силой своей... - повторяла вновь и вновь, погружаясь в отчаяние. - Не в воле я перед тобой.

Когда же открыла глаза, было уже сумрачно. Обступавший лес отвечал неподвижным молчанием, от земли поднималась прохлада, сверху давил густой влажной воздух, насыщенный запахом древесной коры и мха. Обхватив себя руками, чтобы унять зябь, затихла было, но слёзы продолжали безвольно литься из глаз, будто вода из переполнившейся кринки.

Она вздрогнула, когда на плечи ей неожиданно опустились осязаемой тяжестью чьи-то тёплые ладони. Всколыхнувшийся страх покрыл всё её горе. Нутро предательски сжалось, а сердце бешено запрыгало, казалось, стук его отдался эхом по лесу. Человек ли позади?

Княгиня медленно повернула голову. Мужская рука с опрятными чистыми пальцами, на среднем кольцо серебряное поблёскивает. Проглотив ком, она задрала голову. Сверху на неё смотрел высокий молодой мужчина с немного резкими, но приятными чертами. Взор его был спокойным, не желающим ей ничего злого.

- Помочь? - спросил он просто, и голос его она нашла таким же мягким и привлекательным, как и весь его вид.

Торопливо утерев тыльной стороной ладони влажные скулы, княгиня успокоилась. Мужчины тем временем убрал руку и опустился на лежащий рядом бурелом. Он смотрел пронизательно, и в тумане опускающихся сумерек глаза его казались голубыми и такими чистыми, словно дождевые капли. Отросшие волосы, светлые, чуть завивающиеся на концах, делали их ещё ярче. На нём была простая холщёвая рубаха и серые штаны. Сильный в плечах и ногах, воином его не назовёшь - ни брони на груди, ни меча на поясе, хотя такому только и стоять в рядах княжеской дружины, навевать страх на врага. И откуда взялся, Бог весть! Уж не наваждение ли?

Оправившись вовсе, княгиня поспешила собрать растрепавшиеся, влажные и потяжелевшие волосы, расправить скомкавшееся в коленях, вымокшее платье. Одёрнула подол на оголившиеся колени и щиколотки: она княгиня, в таком виде показываться чужакам стыдоба, будто просто деревенская девка, или, чего лихого, за сенную девку[3] примет. Не ждала она в чаще глухой гостя.

Всё ещё пребывая в замешательстве, она украдкой оглядела незнакомца и затревожилась сильнее. А ну кто узнает из посадских, что с чужим мужем в лесу прячется, сраму не оберёшься, злые языки такого растреплют, что во век не отмоешься. Однако всё больше протяжный взгляд чужака утешал. Молод, а глаза мудреца. Чтобы ведовством разуть, иногда и жизни мало прожить. Чем больше смотрела княгиня на него, тем больше по нраву приходился тот. Красивые губы, обрамлённые светлой бородой, слегка улыбнулись. Теплом живым веяло от этого человека, и со страшной силой потянуло излить ему своё горе. А что если Боги его послали в помощь? Что если знак свыше? Какая может быть случайность - во всем бескрайнем дремучем лесу встретить человека? Мужчину. Или сами же Боги явились в облики людском? Помощь сулят?

Княгиня ощутила, как растекается по телу мягким жидким золотом истома, делая её почти невесомой, а голову туманной. Она уже не робела и смотрела открыто, с вызовом. Вихрем закрутилось постыдное желание. С чего бы? Мужу своему никогда не изменяла, не крутила шашни ни с кем, верна и честна была. Быть может, зародился в ней грех из-за того, что князь, уже шестой месяц пошёл, как не делит с ней постель, не греет по ночам, ласки не дарит, речи пылкие не молвит, а ныне так и вовсе прогнал из опочивальни, будто холопку какую? Вот и обида смертная её взяла, и тоска. Опаляющее желание горячей волной поднялось к сердцу.

- Детей хочу... а не могу зачать... - призналась она честно, теряя самообладание, но на душе посветлело, и вдруг сделалось так хорошо, что даже враждебный лес больше не пугал её, а недавнее горе отступило в тень.

Мужчина не посмеялся над её открытостью и признанием, но и не пожалел - всё неподвижно взирает со своего места, а потом вдруг поднялся, медленно приблизился, смотря на неё сверху. Подобрал русую косу, та, скользя по его ладони, тяжело упала на плечо.

- Ты можешь, а вот муж твой не способен... - ответил он, так же без всякого выражения, но глаза его сражали своей пронизательностью, и прятаться от них не было сил.

Сказанное им не сразу создала она, а как поняла, так тут же обледенела. От земли поднялась прохлада, прокатилась вдоль спины к затылку, но не успела княгиня окунуться в чёрный омут смятения, он вдруг промолвил:

- Ты пришла ко мне не случайно. Я помогу тебе, только будет у нас с тобой уговор.

- Так что же ты ведун?

Мужчина только усмехнулся в русые усы.

- Может, и ведун, - ответил он уклончиво, и, воспользовавшись замешательством княгини, начал развязывать пояс на длинной, почти до колен, рубахе.

Она тот миг встрепенулась, осознавая, что ведун намеревается совершить. Облизав пересохшие губы, она, боясь пошевелиться, как завороченная смотрела на чужака и не закричала, не пустилась бежать прочь, только сидела, наблюдая, как он стягивает с крепких плеч рубаху, и не отвела взора и тогда, когда он стянул следом штаны. Тело его сильное было напряжено, перекачивались мышцы под бронзовой кожей, и, верно был готов слиться с ней. Он опустился наземь рядом с княгиней.

Она же задрожала, что осенний лист, но не от холода, напротив - всю её бросало в жар, било волнение. Ведун не торопился. Медленно покрывая её поцелуями, уложил на брошенные наземь вещи, доводя княгиню до такого же сильного, как в нём самом, неудержимого желания и трепета, зажигая необузданное вожделение, что горячей рудой растекалось меж бёдер, вынуждая отвечать и выгибаться навстречу его одурманивающим настойчивым ласкам. Он опрокинул её на полог листы, забрался руками под платье, накрыл её собой, двинулся вперёд, сливаясь в единое целое. Грозное небо, да деревья сначала плавно, а потом бешено закачались, толкая её в поток блаженного наслаждения. Она позабыла обо всём и только лишь двигалась в такт чужака...

Какое-то время княгиня неподвижно лежала с закрытыми глазами, ощущая его лёгкое дыхание, вбирая в себя свежий воздух, подрагивая от бессилия и разлившейся по телу неги. Время остановилось, и верно её уж спохватились няньки да наставницы. Ну и пускай... Князь всё равно не ждёт её. Она желанна ведуну, и рядом с ним хорошо. Мужские руки твёрдо и в то же время ласково оглаживали всю её, дарили нежность и тепло.

- Ты родишь, - вдруг сказал ведун, склоняясь над ней, опаливая жаром дыхания её лицо. - Но у меня будет одно условие, о котором скажу позже.

Произнесённые слова были слаще мёда, проливая в сердце долгожданную светлую радость и надежду. Даже воздух стал не таким по-осеннему промозглым, а прозрачным, кристально чистым, как глаза ведуна, в которых купалась её душа.

Как вернулась назад, не помнила. Испытывая благоговение, ощущая сжимающееся комом во чреве тепло, она уверилась, что понесла, и скоро явится белому свету долгожданное дитя.

[1] Вересень - девятый месяц года.

[2] Рожаницы - древние божества плодородия и жизни, а также они - богини судьбы.

[3] Сенная девка - служанка

Глава 1. По следу

Глава 1. По следу

Пребран открыл глаза, когда первые рассветные лучи разлились по покоям. Он проснулся с тем же омерзительным чувством, с которым вчера и провалился в сон. Ни на долю не стало лучше. Взболтанным осадком поднялась с глубокого дна тоска, пробуждая в нём утихшую было необоримую тягу к травнице. При воспоминании о ней, в груди до свербящей боли сжалось сердце, заныло, будто растревоженная рана, лишая воли просыпаться. Он мотнул головой, противясь, но сделал только хуже - овладело горячее желание. Пах налился тяжёлой рудой, выказывая готовность. Сцепив зубы, Пребран беспомощно вдавился в постель. Лишённый возможности утолить жажду, он продолжал терзаться, выворачиваясь наизнанку. Вжался в постель сильнее, задушив дикий вопль, но ресницы всё же стали мокрыми. Бешеное влечение разрывало на части. Дико желая вновь соединиться с травницей, покорить, задушить, смять и утолить позыв, он задохнулся, зубами впившись в одеяло, ярясь разорвать его. До сих пор княжич ощущал гибкое горячее тело Зариславы в своих руках, мерещились её невыносимо голубые глаза. Как же он вождеделл прижаться губами к стучащим жилкам на её шее, завладеть ей вновь и вновь, прильнуть к раскрывающимся в поцелуе устам, увидеть, как грудь вздрагивает в такт его движениям. Её сладкий аромат тогда, в бане, казалось, проник в него до костей, сплетясь с его запахом, лишив разума, одурманив и покорив, что не смог сдержать себя и излил в неё все свои соки, навсегда лишившись покоя. Желание слиться с ней овладевало им всё больше.

Повернувшись на бок и закрыв глаза, Пребран погрузился в стылую мглу безысходности, слушая в ней лишь гулкое биение собственного сердца. А когда вспомнил вчерашний разговор с отцом, кровь мгновенно остыла, уступив место гневу.

- Вздумал женить на княженке из Лути! - фыркнул он в утреннюю полутьму, губы его искривились в ухмылке. - Решил проучить. Поздно спохватился, отец.

Город этот находился в десяти верстах от Доловска, не бедствовал, и народ промышлял в нём торговлей. Вроде бы завидная невеста, да только слухи о её неказистой внешности облетели все веси вокруг. Пребрана взяла лютая ярость, что Вячеслав, всегда давший свободу, вдруг надумал решить за него его судьбу, посадить в клетку. Всё из-за Радмилы!

Княжич ощутил на шее затягивающуюся петлю, и его одолело слепое бешенство.

Он резко сел в постели, запустив обе пятерни в отросшие и выгоревшие на солнце волосы. Сжимая зубы и покачиваясь, он лихорадочно думал о решении отца. Но мысли сплетались, путались, как нить в неумелых руках.

Нужно бежать. Прямо сейчас! Ждать, когда отец перебесится, долго. Какой же дурак, что послушался сестру и уехал из Волдара! Нужно было остаться в там. Да только откуда он мог знать, что ялыньская девка так западёт в душу, завладев всеми его мыслями, и он станет до сумасшествия мучиться, неистово желая её? Она же отвергла его, растоптала чувства.

- «Устала», леший её побрал! - припомнил он её слова, которые, что крючок, выдрали из груди его сердце.

Откинув одеяло, Пребран соскользнул на пол, направился к сундуку. И только сделал пару шагов - замер на месте. В глазах резко потемнело, а стены поплыли. Княжич пошатнулся. Цепляясь за спинку стула, рухнул на пол, опрокинувшись навзничь.

С грохотом упал дубовый стул. Не успел он оправиться, как всего его скрутило. Корчась от боли, он сцепил плотно зубы, чтобы не закричать. Так продлилось до тех пор, пока внутри не прозрело что-то дикое, неумное, разрывающее его на части, вынуждая его вскрикнуть, ощу-

тив, как сердце лихорадочно задёргалось, а мышцы и кости рёбер судорога скрутила, заставляя выгнуться, не давая никакой возможности вдохнуть. Царапая пол ногтями и скрежеща зубами, Пребран сжался в клубок, пытаясь превозмочь ломающую кости боль.

Из беспамятства его вытянул собственный измотанный стон. Резь отступила, но он всё равно лежал неподвижно, боясь возвращения приступа. Вскоре сердце вновь застучало ровно, а лёгкие расправились, позволяя дышать полной грудью. Пребран успокоился совсем, когда стены и потолок приобрели привычное положение. Скрипнув зубами, княжич схватился за край стола и, подтянувшись, поднялся с пола, сел на постели.

Прикрыл ставшие вдруг мокрыми ресницы, снова начал покачиваться, как ясень на ветру, сжимая дрожащие пальцы в кулаки, которые теперь едва подчинялись ему.

Такого ещё с ним не случалось.

В голове шумело, а каждую пядь тела ломало до зуда в мышцах, не позволяя соображать ясно.

Больше не в силах находиться взаперти, он подобрал со стола пояс с ножнами, покинул покои. Миновал переходы, вышел на крыльцо заднего двора.

Он сразу окунулся в прохладу, горькую от дыма и мутную от оседавшего на детинец тумана. Пребран остолбенел, не поверив своим глазам и чутью. Он не просто видел всё отчётливо и ярко, как видит лесной кот в ночи, но и сам воздух будто стал осязаемым, словно вода, плотная и глухая. И эти все запахи, насыщенные и тугие, проникали в его тело, кровь.

Пребран протянул руку, и сквозь пальцы потянулись густые потоки нитей, что водоросли, и все они имели тусклые отсветы лилово-синих оттенков. Они наматывались на его пальцы, обволакивая руку. Пребран задохнулся от потрясения и сковавшего его страха и едва разом не потерял все чувства и опору из-под ног, когда уловил в воздухе, запах той, которую он так безумно желал. Внутри завязался стальной узел, а по телу растеклись тёплые потоки блаженства. Как давно она была в Доловске, а запах её ещё остался. Он с жадностью втягивал в ноздри искомые токи Зариславы, пытаясь наполниться ими до краёв, насытиться до предела, но их было недостаточно, слишком мало, чтобы погасить острое возбуждение. Только ещё больше разожгли вожделение. Возжелал ещё сильнее, до безумия, до потери разума. Раздражённый, Пребран спустился с крыльца, больше не останавливаясь, зашагал по двору к воротам.

Детинец ещё пустовал, только наверху во влажной мгле сновала стража по крепостным стенам.

«Что ж, отец запретил покидать его, да пусть катиться к нежити, плевать на его запреты!»

Пребран быстро пересёк площадку для ристалищ, застёгивая кожаный ремень на ходу. Его кто-то окликнул, но княжич упорно шагал, не обращая внимания на прицепившийся за ним хвост. И что им всем надо от него?!

- Пребран! - настиг следом голос Избора.

Княжич остановился и, не поворачиваясь, схватился за рукоять ножа. Он давно заметил, что побратим следит за ним, с тех пор, как приехал из Волдара.

- Тебе отец приказал отслеживать меня? - спросил прямо Пребран, поворачиваясь, выпуская нож, но едва сдерживая себя, чтобы не сорваться и не дать тому в зубы.

Взгляд Избора настороженно скользнул к поясу княжича, где висели ножны. Друзе уже смекнул, что княжеский отпрыск не настроен говорить мирно и собирается покинуть двор, не посчитавшись ни с кем.

- Ты только скажи, куда направляешься.

Пребран хмыкнул, отвёл взор, теряя терпение.

- Не твоё дело, - огрызнулся он, возвращая распалённый взгляд на побратима.

- Так не пойдёт, - качнул тот досадливо головой. - Князь Вячеслав должен знать о тебе.

Пребран фыркнул, чувствуя себя отвратительно. До сих пор принимают за непоседливого мальчишку, идущего наперекор взрослым. Только они все забыли, что он давно вырос и сам решает, что ему делать.

Достаточно было того, что послушал сестру. Пусть та и верещала, чтобы оставил травницу, но привез бы её сюда.

Пребран исподлобья обвёл взором стены. Дружинники и отроки, заметив их перепалку, таращились теперь во двор.

Княжич раздражаясь, сжав зубы, прошипел:

- Чего ты добиваешься, Избор?

- Чтобы ты остался.

Пребран сузил гневно глаза, смеряя пристальным взглядом неожиданное препятствие, стараясь здраво оценить его преимущества. Широкоплеч и высотой не уступает княжичу, к тому же старше на пять зим. Воин опытный.

- Оставь меня в покое и иди, куда шёл, - огрызнулся Пребран.

- Охладишь, чего ты так щетинишься?

Избор старался сохранять спокойствие, но княжич нутром чуял, что тот не отпустит его так просто, всполошит весь двор. Так и отец скоро нагрянет, и тогда уж ему точно не уйти. Пребран ярился, только время теряет, а неуловимые токи Зариславы меж тем сводят с ума, вынуждая мысли путаться. Не говоря больше ни слова, княжич, развернулся и пошёл прочь. Избор бросился следом, опрометчиво схватил буяна за плечо. Пребран отозвался быстро. Едва Избор успел сообразить что-либо, как кулак врезался в его переносицу. Глухой стук - и дружинник откинул голову назад, едва устоял на ногах. Кровь хлынула из носа ручьём, и её металлический вкус осел у него на языке. Верно не ожидал такого поступка от юнца, а зря.

Со всех концов двора на драку спешили остальные то ли разнимать, то ли любопытствовать - где это видано, чтобы княжеский отпрыск со старшинами кулаками махался!

- Ты что творишь?! - вступился Вятко, аршинный муж, выше Пребрана на две пяди. - А ну позову воеводу, он тебя быстро охолодит.

Избор, утерев кровь, сохранил здравомыслие, не оправдав ожиданий собравшихся отроков, в драку не полез.

- Ты не только здоровьем, но и умом повредился, - сплюнул он наземь кровь.

Пребран, брезгливо кривясь, отступил. Вятко дёрнулся, было, за ним, но Избор остановил.

- Пускай идёт.

Пребран, свирепо оглядывая бородатых мужей и отроков, беспрепятственно вышел в ворота. Конечно, эта стычка просто так с рук не сойдёт. Как, впрочем, и не сошло по случаю с Зариславой - отец наказал не покидать детинца. Сдалась ему это девка?!

«Любопытно, что он скажет, когда приведу её к нему. А пускай что хочет, то и делает, а возьму в жёны её, пусть хоть изобьёт батогами».

Нужно было поскорее уходить, пока отец и впрямь не нагнал его. Да если и нагонит, что он может сделать? Ничто его не остановит, даже если бы Вячеслав погрозил оставить без крова и наследства. Плевать! Сбежит всё равно.

В пылу он даже не заметил, что по пальцам течёт руда. Разбитые костяшки кровоточили, и теперь боль тупо отдавалась в ладонь.

Оказавшись за стенами детинца, Пребран вышел на узкую улочку, чтобы поскорее затеряться меж построек. Подумал о том, что ему нужно будет взять лошадь и лучше на постоялом дворе, где всегда околачивается много люда. Наверняка отец бросится остановить его.

Всё больше светлело небо, обещая безоблачный день, воздух наливался золотистым искрящимся сиянием, и когда солнце выхватило его из тени, Пребран одеревенев, схватился за бревенчатую стену, согнулся в пояс. Сжал ладонями раскалывающую на части голову. Когда

мышцы вновь скрутило, завязывая в узлы, он упал на колени, взыв от боли, и свет утра померк для него.

Глава 2. Беглецы

Глава 2. Беглецы

Дорога усложнялась, потому что отряду приходилось пробираться через чащобы и скальные местности. Открытые луга да пролески остались позади, всё больше становилось скальных подъёмов, а широкие поймы рек сменялись быстротечными горными ручьями. И когда всадники в очередной раз остановились на ночлег под сенью деревьев, Зарисава ощутила изнуряющую усталость, к тому же её никак не могла отпустить страшная мысль о том, что Мрабора едва не лишили жизни. От одного представления казни спину травницы продирала зябь страха.

Средь корней было сухо, а земля сплошь усыпана шишками. Обступающие деревья укрывали, не пропуская ни единого звука, потому было глухо.

Зарисава, развязывая узлы походных мешков, почувствовала спиной взгляд Марибора. Не успела она обернуться, как сильные руки обхватили её.

- Послезавтра к обеду мы должны быть на месте, - шепнул он на ухо.

Зарисава занемела, чувствуя, как по рукам и ногам растекается жар, обессиливая её. Она, зардевшись, огляделась - не видит ли их кто? Сердце её застучало быстрее. Ни одного кметя рядом не оказалось, все разбрелись по своим нуждам.

По мере удаления от Волдара душа Зарисавы замирала в преддверии неведомого, хотя и узнала от княжича о их цели - тайном остроге, воздвигнутом князем Славяном. За две седмицы пути он старался не тревожить травницу попусту и каждый раз, когда они останавливались на отдых, приближался, тихо обнимал её, справлялся о самочувствии и нуждах. Но сейчас его прикосновения были иные, томительные, жаждающие, и Зарисава будто пьянела рядом с ним.

- Хорошо, - выронила она, отстранившись.

Подхватив с седла котомку с травами, торопливо обошла Марибора, углубилась в сень ельника, примечая для себя уединённое местечко.

Княжич же, проводив её долгим взглядом, прошёл к лошадям, стаскивая плащи и меха для ночлега.

Зарисава, растерявшись, второпях начала развязывать узлы верёвки походного мешка, но невольно взгляд задержался на обручье. Оно всё ещё оставалось на запястье и тускло поблёскивало в сумрачном свете. Княжич больше не заговаривал о нём, погружённый в более насущные мысли. Зарисава так и не решилась спросить у него, что произошло с ними в плену, избегая и вопроса о Вагнаре. И мысли о княженке всё больше грызли её, ведь он, выходит, был с ней... Поймав себя на неуместной ревности, Зарисава прогнала прочь смрадные мысли. Теперь Вагнара далеко, а Марибор рядом с ней.

Травница оглянулась и будто в землю вросла, удерживая котомку в онемевших пальцах. Марибор, чуть пригيبая голову под низкими еловыми ветками, медленно направлялся к ней.

Он коснулся её руки, вынуждая бросить бесполезное занятие.

- Твоё тепло исцеляет больше, нежели травы, - произнёс он тихо, разворачивая Зарисаву к себе, прижимаясь горячими губами к её лбу.

- Ночи холодными становятся, так и захворать можно, а травы отгонят хвори, - проронила лишь она, не найдясь с другим ответом.

Марибор слегка улыбнулся. Зарисава не насмелилась взглянуть ему в глаза, верно никогда не привыкнет к его вниманию, снова и снова будет утопать в клочущем волнении.

Убрав выбившиеся светлые пряди за ухо, Марибор погладил её по щеке, склонился, окутывая запахом сладковатой гвоздики. С нетерпением прильнул губами к её раскрывшимся устам. Внутри Зарисавы будто что-то завязалось в узел, а затем мгновенно всплеснулось, раз-

ливаясь по телу горячей волной. Сухие губы Марибора ласкали ненастойчиво, но потом его будто подхватило вихрем. Дыхание княжича задрожало. Пылко смяв её бёдра, замер на мгновение, должно быть, осознавая, что слишком напористо стискивает её, но это колебание продолжилось недолго, не в воле остановиться, продолжил оглаживать. За всё время пути он ни разу не целовал вот так, исступленно и отчаянно, нетерпеливо - это будоражило.

Зарислава, позабыв о котомке, узлы которой она так и не распутала, выронила её, обвив руками сильную шею Марибора. Возжелала так же касаться его, так же гладить и ласкать, чувствовать жар его дыхания, растворяться в его объятиях, ощущать кожей могучее тело, дарить удовольствие. Захотелось так, что внутри заплескался неукротимый порыв, который удивил её и напугал одновременно. Бурная страсть, что завладела ею, вынудили замереть - она не разгульница какая, но осмыслить это толком не успела, ласки Марибора сметали остатки разума. Марибор подхватил её, приподнял, отрывая от земли. Ощувив его губы на впадине горла, позабыла обо всём. Даже через кожаный стёганный налатник она ощутила его вздымающее напряжение, каменные мышцы, бешеный грохот сердца. Он был весь на пределе. Зарислава тоже больше не сдерживалась, развязала тесёмки на своём вороте, обнажая себя, наблюдая, как взгляд Марибора под тенями ресниц заволокся одурью, и зрачки в них расширились до самых краёв радужки.

- Ты меня погубишь, - выдохнул он.

Огладив рукой упругую грудь, сжал её, прильнув к заострившемуся розовому соску губами, вобрал его в себя, оставляя на коже влажный прохладный след. От нахлынувшего дурмана Зарислава прогнулась, пронизывая пальцами его волосы, чувствуя, как разбегается по телу дрожь от прикосновения требовательных губ. Прижалась ему плотнее, чтобы сполна насладиться мощью его тела. И когда Марибор опустил её на землю, Зарислава потянулась к его поясу, забираясь руками под грубую одежду. Коснувшись твёрдого живота, рука невольно скользнула вниз, пальцы коснулись налившуюся силой плоть. Марибор вздрогнул, а дыхание на короткий миг застряло в груди.

- Зари... слава, что ты... делаешь? - с мольбой прошептал он в самое ухо. Последнее слово утонуло в грохоте сердца.

Когда пальцы сомкнулись, Марибор тяжело вдохнул и выдохнул. Мысли Зариславы поплыли, неподдельное наслаждение появилось на лице княжича. В этот самый миг желание слиться с ним в одно целое стало настолько острым, что в нетерпении она начала скользить ладонью, стремясь больше ощутить его. Где-то в глубине зародилось странное чувство смятения, но это быстро прошло под его касаниями. Дыхание Марибора исчезало и появлялось вновь на её шее отяжелевшим и горячим, как раскалённая наковальня. Больше не в воле сдерживаться, он сдёрнул с Зариславы платье к поясу. Ладони его скользнули вниз, забираясь глубже под одежду. Травница задохнулась от накрывшего её блаженства, когда его пальцы добрались до чувственного места.

- Марибор, - позвала она, ясно сознавая, что ещё немного, и он не остановится.

Он не отозвался и продолжал жадно покрывать поцелуями, твёрдо поглаживая её там, от чего дыхание замирало, а тело содрогалось и потяжелело, предчувствуя скорую близость, отчаянно желая, что бы он заполнил её скорее. Но нельзя. Не сейчас.

- Марибор, - сделала она новую попытку, - я не хочу... чтобы... это случилось здесь, - вымолвила она прерывисто, обхватывая лицо княжича, призывая остановиться.

Марибор, услышав её, замер.

- Да... - выдохнул он, наконец и отстранился. - Верно. Нужно потерпеть, почти же пришли... - проговорил он сбивчиво, будто уговаривая себя, и взгляд его начал проясняться.

Переведя дух, спустя несколько надрывных вдохов и выдохов, Марибор отнял руки, утешительно погладив её шею под затылком. Зарислава ощутила, как его тело содрогается от бушующего возбуждения. Одной искры было достаточно, чтобы пламя поглотило их, ведь всю

дорогу, все две седмицы держались порознь, теперь превозмочь желание было почти невозможно. Марибору особенно пришлось несладко, он желал её с самой первой их встречи.

Укорив себя за безрассудство, Зарислава поправила ворот платья, пряча грудь, быстро завязала тесьмы, собрала волосы, перекинула на плечо. Даже не мыслила, что может пойти так далеко. Щёки воспалились от стыда. А вспомнив о Преброне и о том, что может случиться после близости, ощутила, как жар мгновенно остыл, и презрение к самой себе больно пронзило. Облизав пересохшие вдруг губы, она даже не решалась сейчас смотреть Марибору в глаза, испытывая дикое смущение за содеянное распутство.

Марибор, приметив её заминку, насторожился.

- Я благодарен тебе, что ты поехала со мной, что не оставила меня... - шепнул он на ухо.

Марибор взял её за подбородок, вынуждая повернуться.

- Но мне нужно знать одно, знать наверняка, - он помолчал какое-то время, пристально глядя в неё, глаза его в этот миг потемнели. - Ты хочешь стать моей женой?

Пальцы его рук, которые всё ещё касались подбородка, жгли кожу, и Зарислава не понимала, жар это или холод. Открыла, было, рот, чтобы сказать, что хочет этого больше всего, что поехала только ради него, но одёрнула себя, вспомнив о том, что узнала о себе, о том, что она должна была зачать дитя от Преброна, едва не выпив его жизнь. Она похолодела. От одного лишь представления, что с Марибором это может повториться, охватывал страх.

Марибор, видя долгое замешательство Зариславы, сжал губы, выказывая горечь.

- Скажи, - потребовал он. - Я же вижу, что тебя что-то гложет. Клянусь, что никогда не причиню тебе боли. Поклянусь и пред богами.

- Для начала нам нужно добраться до пристанища, - прервала его Зарислава, отвечая уклончиво. - Я пошла за тобой, разве этого не достаточно? А там... как боги велют.

Глаза Марибора стали глубокими, как колодцы, и стылыми, как зимнее небо. Мелькнула в них и знакомая всеобъемлющая тьма, от чего по спине пополз мороз, опрокинув её ледяной омут. Он всё же выпустил её, отрезвев от гнева. По всему было видно, что ответ пришёлся ему не по сердцу.

- Значит, ты не отступилась от своего желания стать жрицей? - спросил он с резкостью в голосе.

- Мне нужно разобраться.

- В чём, скажи, может, я смогу помочь!

Зарислава мотнула головой, отчаянно пытаясь уйти от разговора, да видно не выйдет.

- Наволод провёл обряд, чтобы разорвать связь с тем, кто...

- Обесчестил тебя, - договорил он за неё, подхватывая каждое слово.

- Но после этого... ко мне стала пребывать сила. Волхв сказал, что я... после близости... вытягиваю жизнь. Я не знаю, откуда это, не знала, что так могу...

- Постой, так он жив?

- Кто?

- Анталак. За тобой же погнались степняки тогда.

Зарислава в недоумении смотрела на него. Значит, на него он думает? И не знала, радоваться тому или нет. И тут же Зарислава сжалась. Если узнает о Преброне, быть беде.

Марибор долго смотрел на неё, на какой-то миг показалось, что он догадывается о чём-то.

- Я боюсь, что с тобой произойдёт тоже самое, - только и ответила она, так и не найдя решимости признаться.

- Не бойся. Меньше всего тебе нужно думать обо мне, - ответил он, смягчаясь. - Со мной ничего не случится.

Зарислава хотела, было, возразить, но Марибор не позволил, притянул её вновь, накрыв уста долгим поцелуем, на этот раз тягучим и мягким.

- Как прибудем на место, мы во всём разберёмся. Только верь мне. Больше ничего не нужно, - шептал он.

И Зарислава, чувствуя его силу и уверенность, поверила, внутри же сжалось сердце от того, что утаивает главное.

Из чащи слышался хруст ветвей. Марибор нехотя отстранился.

Зарислава рассеянно посмотрела на брошенную котомку, подхватила её, опустившись на корни.

- Добрая тут белорыбица, - довольно промолвил Стемир. - Давно ушицы не пробовали, - кладя добычу на валун, воин принялся разводить костёр.

Марибор, погружённый в собственные мысли, не заговаривал с кметем, но Зарислава чувала его напряжение, которое он так и оставил в себе, не выплеснув. Задушив горечь, стараясь отвлечься, Зарислава выудила котелок, неторопливо стала крошить в него огневицы. Всё думала о том, верно ли, что открылась? Думала и о своей жизни, и о даре, родичах, которых она никогда не знала, и, верно, те были не из простого люда. Она хотела стать жрицей и уйти в лес, а в итоге отправилась на край земли с изгнанным волдаровским княжичем. Она хорошо понимала Марибора - он выбрал её и давно объявил об этом, с самого начала. Когда только прибыла в Волдар, он неуклонно добивался её. Как же давно это было, а по существу, всего-то прошёл месяц. Вся жизнь перевернулась с ног на голову.

Влив в котелок воды, помешав деревянной ложкой, Зарислава, покинув своё укрытие, отправилась к полыхавшему костру. Когда приготовились отвар и уха, вернулся Вратко. Марибор к тому времени расчистил место для ночлега. На запах один за другим подтянулись и остальные мужчины.

Заруба с бурдюками с водой, весёлый и шумный. За ними и Будимир подоспел с лукошком лесных ягод, которое сразу вручил Зариславе.

Отвечеряли всеми вместе. Насытившись, мужчины ещё долго разговаривали о дороге и местах здешних, а потом разлеглись возле костра. Зарислава, укутавшись в шкуры, опустилась на расстеленную для неё Марибором постель. И испытала тепло, когда он лёг рядом с ней, ясно ощущая его пристальный взгляд на себе. Вглядываясь в тёмный полог крон и слушая уханье пробудившихся от дневного сна сов, доносившееся из глубины леса, треск сучьев в костре, Зарислава успокоилась. Опасаться было нужно разве только лесных зверей, но в окружении пятерых воинов ей и это было не страшно, особенно когда рядом Марибор.

Заруба и Стемир тихо переговаривались, но вскоре и они смолкли. Стемир укрывшись одеялами сшитые из овчины отвернулся. Заруба оставшийся в дозорных окутанный дымом и тишиной сидел у костра, вдумчиво глядя в языки пламени. Зарислава всё думала о разговоре с княжичем и о том, что случилось между ними, с ней, когда касалась его, и тут же покрывал холодный пот, а щеки, напротив, полыхали. Даже и не ожидала, что способна на такое... Но больше всего её беспокоило то, что может произойти после. Пусть Марибор и заверил не переживать, но это было невозможным.

Добраться бы поскорее до места, а там, быть может, уляжется всё. Выяснит, что за дар проснулся в ней и что с ним делать.

От костра веяло мягким теплом, пламя согревало, а оранжевые всполохи навевали дремоту. Ночь окутала, и в тишине стали слышны тяжёлые мужские дыханья - кмети спали, тогда она ощутила прикосновение Марибора, рука его беспрепятственно легла на живот. Обхватив Зариславу крепче, Марибор притянул её к себе ближе, зарываясь в её волосы, целовал в шею, потом за ухом. Дрожь побежали по коже, поднимая волоски на затылке, а в животе расцвело томительное предчувствие. Прижавшись плотнее к его сильному и горячему телу, Зарислава утонула в неге. Стало так хорошо в его объятиях, что и не заметила, как погрузилась в глубокий сон.

Глава 3. Бессонная ночь

Глава 3. Бессонная ночь

Вглядываясь в тяжёлый еловый полог, сквозь который сочился в небо прозрачно-сизый дым от костра, Марибор пытался дышать ровно, отчаянно отгоняя будоражающие мысли, но травница была слишком близко. Одураченный запахом Зариславы, княжич всё никак не мог уснуть, хоть и пытался уговорить себя остыть. Тогда он отстранился, чтобы не чувствовать тепло, исходящее от неё, не слышать её запаха, который сводил с ума. Пусть травница всё ещё колеблется с ответом, но она с ним, рядом, она больше ничья, только его. С самого первого дня встречи он это знал, хоть и не верил колдунье. Марибор сразу почуял Зариславу, как волк, слышащий запах своей самки. Он просто понял, что она предназначена ему.

Но и другое пророчество Чародуши всё же сбылось - навь-река, что течёт в его крови, едва не погубила травницу. Ко всему, как ни скорбно это признавать, ценой его мести стали смерти лучших воинов Волдара и Доловска.

Марибор надрывно вздохнул, думать о том было тяжело. Кажется, он только сейчас начал осознавать в полной мере, что натворил. Будто две луны назад и не он был вовсе, а кто-то другой, кто повелевал им. Марибор был очернён злобой, ненавистью к брату, племяннику, к людям. Будто наваждение какое-то затмевало его ум.

Княжич закрыл глаза, помыслил о минувших событиях, начиная с того времени, как он сговорился со степняками, как взял под своё покровительство Вагнару, условившись уничтожить Данияра, и заканчивая тем, как едва не погибла Зарислава, и сам он чудом выкарабкался с того света. Всё внутри померкло от осознания того, чем бы могло всё закончиться. Конечно, не было ничего радостного в том, что племянник, пусть и не поквитался, но выставил его вон за порог, заставив бежать сломя голову. Вроде и должен не слышать земли под собой от радости, что вознаградила богиня-пряха доброй долей, и гнев рода не обрушился на него, острой секирой в руках Данияра да на шею. Однако червь смятения точил душу из-за того, что сын Горислава погнал его с родной земли. Даже и признавал свою вину, а верно, для другого воина лучше бы смерть, чем такое унижение. Для Марибора пусть и не стоила ничего его жизнь, но была дорога, какой бы скверной она ни была.

Вдобавок ко всему, чем ближе подбирались к Деннице, тем сильнее назревало беспокойство, которое вялым током закручивалось в воронку, утягивая в вязкую глубину. И Марибор не мог толком разобраться, что именно так волновало. "Беда беду накликает", - вспомнились слова Творимира. Тогда волхв предчувствовал свою кончину, и она пришла. Жестокая, непоколебимая, своенравная Мара забрала его жизнь, оставив Марибору много загадок.

Внезапно боль продрала рёбра на левом боку, будто по его плоти вновь прошлось лезвие Осабы, сдёргивая кожу. От этой почти осязаемой рези по глазам ударило алое зарево, дёрнулись мышцы на скулах. Марибор зажмурился, слыша в голове сквозь шелест крови озлобленный голос Вагнары, видя как наяву её холодные мерцающие сталью глаза, смотрящие будто в самую бездну, отчуждённые, не знающие жалости.

Находясь в плену у степняков, Марибор вспомнил обрывки своей жизни. А ведь после он иногда пытался снова вернуться в прошлое и попытаться восполнить в памяти отрочество, но всегда упирался в глухую стену, и напрасными были попытки биться в неё - не преодолимы заклęcia Творимира. А в том, что это была волошба, Марибор не сомневался, ведь не мог же он подчистую забыть то, каким тайным умениям учил его старец.

"Для чего это нужно? Зачем ворошить минувшее, тревожить раны и снова испытывать мучительную боль? Какой в этом смысл?"

Но жить в неведении, в непонимании, куда уходят его корни, ещё хуже.

Вконец измучившись от бесплодных и удушливых дум, стараясь не тревожить спящую Зариславу, Марибор поднялся.

Зарубы возле костра не оказалось, видно решил побродить в округе. Неподалёку спал Стемир, и тихое сопение разносилось по округе, рядом устроился и Вратко с Будимиром, грудь которого медленно поднималась и резко опадала в глубоком выдохе. Воины, кои отправились с ним, доверяли ему, готовые положить головы на отсечение за его жизнь, а Марибор раньше их не ценил, был занят другим...

Бурлили в котелке ягоды, собранные Стемиром. Марибор подхватил чугунок, снял с огня, позволив отвару немного выстыть. За время пути Марибор привык к тысяцкому, пусть раньше не замечал его. Странно всё, снова взяло смутное ощущение, будто до пленения казалось всё чуждым бессмысленным, и не с ним всё происходило, будто он крепко спал и только сейчас проснулся от тягостного забвения, в котором растерял воспоминания и утратил способность чувствовать.

- Не спится тёмной ночью, княже? - грянул голос Зарубы позади Марибора. Тот и не ожидал, что он бесшумно подкрадётся к нему.

Чутьё и слух никогда не подводили княжича. Даже в тот злополучный день, когда степняки напали на княжеский отряд, Марибор, ещё не подобравшись к лесу, ощутил, что их ждут и за ними следят, вот только не предусмотрел, что головорезов окажется больше дружины. Неверие в то, что их могло быть больше сотни, сыграло злую шутку, а ведь не думал, что враг не осмелится подкрасться так близко. И ошибся. Да и как он мог угадать, что Вагнара способна на такое?

- Нет, не хочется, - ответил Марибор, мрачно взглянув на тысяцкого, хоть тот и не виноват был в том, что его одолела бессонница.

Заруба понимающе покачал головой, присел рядом, поставив плошки, налил в них ягодного взвара. Недаром тысяцкий был на хорошем счету у князя Горислава. Вспомнив о брате, Марибор ещё сильнее упал духом. Горислав никогда не делился с ним своими тревогами, и Марибор даже не искал случаев поговорить с ним. Да что он вообще знал о нём? Ничего. Как и Горислав о Мариборе. Теперь уже никогда не узнает.

- Я всё хотел у тебя спросить, Заруба, - начал Марибор.

- Спрашивай, княже.

- Почему ты пошёл за мной?

Заруба глянул на него тяжёлым взглядом. Хоть и подёрнулись его русые пряди сединой, и не сказать, что такой громадный витязь мог обладать ловкостью и подкрадываться бесшумно, но сейчас глубокие тени вычерчивали на его лице резкие хищные черты, а грубая борозда на брови и вовсе делала его матёрым опасным зверем. Он втягивал в себя запахи леса, раздувая крылья носа, отзывался на каждый шорох. Марибор никогда не видел его таким. Будто тьма леса меняла его.

Не смотря на то, что Марибор раньше не считался с опытным в битвах тысяцким. Наверное, он представлялся ему юнцом, только-только постигнувшим вкус бойни, сколь безрассудным, столь и опасным, только и нужен догляд, иначе лиха беда. За время пути Марибор разглядел в Зарубе не только опытного воина, повидавшего много зла в своей жизни и сумевшего сохранить человечность и твёрдость духа, но и оказался хорошим советчиком и день за днём дружеское отношение только крепло.

- Потому что знаю, каково это - остаться одному.

Марибор долго посмотрел на него, а потом отвернулся, сбрасывая оцепенение.

- Я ведь раньше тоже был сам по себе, вот как ты. Гляжу на тебя и себя вспоминаю. Слыхивал про племя берлогов?

Заруба хмыкнул, прочитав на лице княжича удивление, но смотрел твёрдо, неотрывно.

- Людям об этом роде мало известно. Племя берлогов живёт глубоко в лесах, служит хозяину Велесу[1]. Одни считают их дикарями, другие молвят, что те обращаются в зверей да охотятся на людей, нападая на деревни, детей воруют. Но я знаю, что родом они из этих мест.

Да, многое из этого слышал Марибор, толки разные ходят о племени берлогов, но только к чему Заруба завёл этот разговор?

- Откуда тебе это известно?

- Матушка моя родом из того племени.

Марибор едва не поперхнулся отваром от изумления. Уж не хочет ли Заруба сказать, что он бер[2]? Княжич приподнял бровь, обращая удивлённый взгляд на тысяцкого.

- В Роде этом существует закон для отпрысков смешанных кровей: если родился мальчик, принято избавляться от него, девочек же, напротив, забирают в племя. Меня должны были убить, но отец мой, селянин деревни Кривицы, уберёг от такой участи, воспитал, а потом, как вошёл я в отрочество, отдал князю в дружину.

- Вот как, - опустил взгляд в костёр Марибор.

Огонь бесшумно трепыхался, приковывал внимание, поглощал, прогоняя все мысли из головы.

- Наговорил тут семь вёрст до небес, - посмеялся Марибор, но Заруба упёрся в него хмурым взглядом, выказывая всю серьёзность поведанного, готовый заручиться за каждое произнесённое им слово. Он не шутил.

- Думай, что хочешь, но это правда.

- И что же, в медведя можешь перекидываться? - хмыкнул Марибор невольно, хотя по спине холодок прокатился.

- Нет, не могу, только те, кто чистой крови, могут, остальные же, чьи крови мешаны, имеет сноровку дюжую, выносливее остальных, терпеливее.

Марибор глянул на него заново. И верно, даже воевода Вятшеслав, что возглавлял дружину Волдара, пал в стычке со степняками, а Заруба остался жив.

- А шрам откуда?

- Однажды в лесу мне пришлось столкнуться с бером, с истинным хозяином леса. Испокон веков у них заведено убивать слабых, чтобы их род состоял из сильнейших. Я защищался, чудом уцелел.

Повисло глубокое молчание. Марибор допил остатки взвара, отставил плошку. Что ж, правда о Зарубе пробрала.

- Я чту память Горислава, - вдруг снова заговорил тысяцкий.

- И, зная, что я причастен к смерти князя, ты всё равно решил остаться со мной.

- Он был знатным предводителем, столько походов вместе, - задумчиво произнёс Заруба.

- Пусть покоится мирно его душа в Ирии. Я слышал много разговоров о ссорах. И не стану говорить, что ты прав, поступив так с братом, пусть тот и искупил вину своей жёнушки. Уж мне-то ли не знать цену жизни? Мне жаль его - он не осознал своей ошибки, и ты не дал ему возможности принять тебя как брата, хотя в последнее время, верно, предчувствуя гибель, он был на пути к тому.

Слова тысяцкого покорили, сжав грудь в тиски.

- Зачем? Зачем, Заруба, ты говоришь мне об этом сейчас?

- Хочу знать, сожалешь ли ты?

Воин пристально смотрел, не давая возможности уйти от ответа, и Марибор ощущал себя беспомощным и уязвимым, будто он снова оказался на сходе, и на него смотрит множество осуждающих взглядов. И как бы он ни желал отгородиться, да только хуже делал. Может быть, всему виной гордыня. Творимир часто упрекал его в этом.

- Иногда, - ответил Марибор. - Но, ещё ни разу я не простил его, сколько бы ни пытался.

- Верю, - ответил тысяцкий. - Я пошёл за тобой потому что ты сильнее Горислава и уж не вровень Данияру, я уважаю их, но сын князя слишком мягок, слишком шаток его дух, ему ещё крепнуть и крепнуть, если б не Радмила, её настойчивость, лежать бы ему вместе с Гориславом в сырой земле. Настоящие воины рождаются нынче мало...

Внутри Марибора стало мутно, размышляя над сказанным Зарубой. Сидели какое-то время в молчании, каждый думая о своём, и только кто-то из мужей начал всхрапывать во сне, разбавляя лесную тишь.

- Как думаешь, ждут ли нас в остроге? - вдруг спросил Заруба, выныривая из смутных дум.

- Будем надеяться, - поднял княжич глаза на тысяцкого. - Другого выхода у нас нет. Поживём - увидим, но будьте готовы ко всему.

Заруба качнул головой, снова уставился в колышущийся огонь.

Спать окончательно перехотелось и оставаться на месте - тоже.

- Вот что, - поднялся Марибор со своего места, поднимая с земли оставленный у поваленного дерева пояс с ножами. - Я тут покараулю, а ты иди, ложись.

Заруба посмеялся тихо, оглядывая Марибора.

- Нет, княже, спать мне тоже не хочется.

- Тогда оставайся, а я пойду, осмотрюсь, - подпоясавшись, Марибор не стал накидывать кожух, хоть и знал, что ночи в последнюю седмицу выдавались прохладные.

Заруба твёрдо кивнул.

- Только далече не уходи, княже, - забеспокоился он, остерегаясь незнамо кого, - мало ли, какая напасть живёт в этих лесах ночью.

Марибор отступил, удаляясь в тень зарослей, и шагал до тех пор, пока не погасли отсветы костра за кущами, а его не объяла тьма да холодная сырость леса. Княжич остановился тогда, когда понял, что бежит от своих мыслей.

«Заруба взбередил же душу»

Постояв на месте, Марибор глубоко вдохнул и выдохнул выстуженный ночью воздух.

Вдалеке гудит, как в трубу, болотная выпь. Подняв подбородок, княжич взгляделся ввысь, пытаясь различить среди сплетения крон небо, но увидел лишь черноту, даже мерцание звёзд заволокло то ли туман, то ли дым от костра. До рассвета ещё далеко, и в тиши изредка поскрипывают сосны, доносится хруст ветвей, шорохи, видно, ночные звери вышли на охоту. Вокруг на сотню сажень ни одной человеческой души, только дремучие дебри да вековые деревья. Стоило им покинуть границы Волдара, селения всё реже стали попадаться, а вскоре и вовсе сплошные чистые луга потянулись, а потом и леса, и больше ни одного селения так и не попалось на пути. Но завтра они должны выйти к обжитым местам, там по слухам разжилось племя веренов.

Неожиданно в лицо пахнуло речными водорослями. Марибор уже неспешно пошёл по склону, вскоре слышал и тихие всплески воды. Верно, набрёл на речушку, к которой ходили кмети ещё вечером. В дебрях прохладно, даже слишком, но он не пожалел, что покинул тёплое местечко - нужно взбодриться, прийти в себя.

Перебравшись через каменистую рывтину и поднявшись на взгорок, впереди, в двух верстах, и впрямь завидел среди чёрных стволов сосен узкую реку. Марибор спустился по крутому склону, хватаясь за шершавые стволы деревьев и скользя сапогами по траве, вышел прямо к кромке, поросший жёстким рогозом. Хорошо, что в такой холод не было комаров и мошки, иначе закусали бы.

Может, Заруба и прав, кто знает, какая нечисть водится здесь? Но Марибор решил остаться, смыть усталость и чернь дум. Да и чего опасаться, он и сам был похуже лютого беса. Быстро расстегнул ремень, будто боялся, что тело воспротивится лезть в тёмную воду, в которой ночью может прятаться бог весть что. Подобрал полы рубахи, стянул с себя. Плечи, спину

и грудь тут же огладил холод, норовя забраться под кожу, принялся с жадностью тянуть тепло. Не мешкая и не оставляя себе времени для раздумий, Марибор скинул сапоги, следом и порты, бросив на сухую траву рядом с ножнами. Вдохнул глубоко свежего речного воздуха, и голова мгновенно прояснилась. Очертания дальнего берега с кустами вереса стали как будто чётче и ярче далёкие звёзды.

Марибор выдохнул порывисто, привыкая к стыни. Прошёл по мягкой полыни, ступни погрузились в ледяную воду, что обожгла едва не до судороги, от которой зябь пошла вдоль позвоночника, вконец отрезвляя - то, что ему сейчас нужно. Он пошёл вглубь, нащупывая глиняное дно, густо поросшее роголистником, который, словно змеи, опутывал лодыжки, вызывая не самые приятные ощущения. Марибор поспешил, колени обожгла вода. Поднимая шум, княжич по подбородок погрузился в воду. Дыхание перехватило, как от удара под дых, свело живот и горло. Потеряв дно, он поплыл к середине. Всплески воды спугнули какую-то ночную птицу, которая, хлопая крыльями, взмыла в небо и, судя по глубокому уханью, то была неясить. Марибор размашистыми саженями отплыл довольно далеко от берега, и вода уже не казалась такой холодной, обнимала руками, плавно покачивала, как колыбель матери, была ласковой, обволакивающей. Бодрость захлёстывала, вызывая всплеск сил и задор. Задержав дыхание, пловец резко ушёл в чёрную ледяную утробу реки.

Его на короткий миг оглушило жгучим холодом, и тело непроизвольно поспешило поскорее вынырнуть. Едва он вознамерился всплыть, как что-то помешало вобрать с поверхности воздух. На шее будто стянулась петля, натужно потянув вниз. Растерявшись, Марибор дёрнулся, было, вверх, но бесполезно - бороться с невидимыми путами невозможно. Беспомощно двигая в толще воды ставшими бесчувственными руками и ногами, княжич попытался вывернуться из хватки, но его неумолимо тянула на дно чужая сила, которой он, как мог, сопротивлялся, и когда не стало сил бороться, лёгкие едва не разорвались на части - горло и нос забила колючая вода. Боль была нестерпимой, будто его копьём прошибло вдоль позвоночника, разум померк. В следующий миг Марибор опустился на илистое дно, но он не потерял чувств, не умер, видя перед собой в поднявшейся мути свои руки. Когда поднял голову, лицо его вытянулось от изумления, перед ним возник Творимир - его бледное до синевы лицо, исчерченное глубокими тенями, княжич, узнал до мельчайших морщин. Острый, как серп, взгляд резанул, открывая душу, вынуждая Марибора пошатнуться волей. Плотно сжатые губы старца выказывали горечь и осуждение. Полы его одежды струились под потоками воды, так же клубилась седая борода, обволакивая его крепкую грудь.

- Кем ты стал, - сказал вдруг он.

Голос волхва рокошуще сокрушил слух. Марибор набрался духа, чтобы ответить, но неожиданно ком застрял в горле, и всё разом померкло, где-то в отголосках сознания расформировался образ Творимира. Княжич рванулся вверх, мгновенно выныривая из недр черноты, лихорадочно хватанул воздух.

Откашливаясь снова и снова, он пытался восполнить дыхание, но воздуха всё одно нещадно не хватало до надсадной боли в груди. Пылали жаром лёгкие, их кололо, словно в него с каждой попыткой вдохнуть вонзали ножи. Резь в глазах не давала толком оглядеться. Куда делся волхв? Где он сам? Что с ним произошло?

Придя немного в себя, Марибор в тусклом свете звёзд различил берег - рукой подать, а сам он невесть как оказался ближе к жёстким порослям камыша.

"Всё же нужно было послушать Зарубу".

- Вот нечистая сила, едва не сгубила, - выругался княжич, смахивая с лица воду и мокрые волосы, поплыл к суше.

Унимая клочущую изнутри дрожь и стискивая зубы, Марибор вышел на твердь, ища замутнёнными водой глазами оставленные вещи. Вновь закашлялся, прочищая дравшее болью горло, выталкивая из груди воду. Подхватив с травы рубаху, он поспешно надел её на мокрое

тело, следом натянул порты, сапоги и, подняв пояс с оружием, обернулся, всматриваясь в неподвижную гладь воды. Лишь у берега она тоскливо хлюпала, тускло мерцали звёзды. Теперь гадай, что с ним случилось: то ли болотник позабавился, то ли речная дева решила поиграть, да и неважно - воды нахлебался изрядно. Однако то, что видел волхва как наяву, вынуждало Марибора холодеть. Лучше скорее добраться к огню да погреться. Княжич развернулся и без промедления зашагал ввысь, на гору, поспешил покинуть злосчастное место, невесело предчувствуя, что ночное купание даром не пройдёт. Больше не оглядываясь, пошёл к становищу.

Заруба по-прежнему сидел возле костра, пригнув русоволосую голову. Марибор не успел приблизиться, как тысяцкий приосанился и чуть приобернулся на шорох, но когда разглядел княжича, встрепенулся.

- Ты что же, княжич, удумал в такую-то стужу искупаться!? - приглушённо прошипел он, стараясь не будить других.

- Сейчас, погоди, - Заруба отошёл к седельным сумкам.

Найдя сухую одежду, вынудил переодеться, а потом снова нагрел в чугунке воду с брусникой, заставил Марибора выпить. Огонь, казалось, совсем не грел. И лучше бы сейчас сбитня или медовухи. Его перестало колотить только после третьей плошки отвара.

- Захвораешь, нужно бы разбудить травницу, - недоверчиво смотрел он на княжича.

- Нет, - резко отозвался Марибор, всё ещё прокашливаясь от речной воды.

Заруба сокрушённо покачал головой, что-то пробурчал себе под нос, искоса и с недовольством поглядев на Марибора.

Тот хоть и согрелся в сухой одежде да возле очага, но внутренняя дрожь не отпускала до восхода.

[1] Велес - славянский бог-оборотень, бог-мудрец.

[2] Бер - в древние времена - медведь.

Глава 4. Побег из детинца

Глава 4. Побег из детинца

Пребран открыл глаза и не сразу понял, где он.

Зажмурившись от безысходности, он приподнялся на локти и ощутил себя крайне гадко. К горлу подкатила тошнота, вынуждая опрокинуться обратно на постель. Задушив рвотный позыв, он задышал глубоко и медленно, пытаясь вернуть былое здоровое самочувствие.

Он должен был уйти и добраться до гостиной избы, но снова оказался в своих покоях. Значит, не успел выйти за ворота, его догнали.

Гнев заворочался внутри, будто раскрывшаяся рана. Полежав ещё немного, княжич поднялся. Босым зашагал к окну, выглянул в него - небесное светило поднялось к зениту.

Пребран провёл ладонью по взмокшей шее, облизал искусанные и загрубевшие губы и, положив локти на высокий подоконник, ощущая дурную муть, которая так и не отпускала его, задышал часто и судорожно. Щурясь на невыносимо яркое светило, подставляя лицо потоку света, он погрузился в раздумья.

Прошедшие дни будто провалились в чёрную яму, и поездка в Волдар осталась в тумане. Последнее, что Пребран отчётливо помнил - то, как встретил на перепутье Зариславу. А после ночи с травницей жизнь перевернулась. После того, как увидел её на утро, гордую, спесивую, живую и до ноющей боли желанную, время для него перестало существовать. Он вспомнил, как мучился потом. Как мгновения превратились в вечность, он чуял её запах, слышал как бьётся сердце, ощущал её тепло и дурел от того, что она рядом, но не было возможности даже коснуться её, приласкать, взять вновь. А когда прибыли на место, терпение его закончилось - напился, чтобы заглушить невыносимые муки, а потом его захватила безумная потребность поговорить, объяснить свои скверные поступки, попросить прощения. До самого утра прождал её под дверью, чтобы сказать, что чувствует к ней, что не хотел причинять ей боли. Но когда узнал, что травница рядом с вырожденком Марибором, дикая ревность задушила здравый рассудок, и он потерял ум от ярости и верно напугал её до смерти. А после накрыла беспросветная тьма. Бурный поток реки его жизни остановился и порос мхом, завололся водорослями, превращаясь в болото. Отец прав - он чахнет, и это с каждым днем становится всё ощутимей, а вчерашний приступ толкнул в пропасть отчаяния. Всё перемешалось в его голове: перестал отличать день от ночи, не чувствует ни жара ни холода, только ярость от бессилия и невозможности соединиться с той, которая завладела его сердцем.

Вспомнив стычку с Избором, княжич ещё пуще помрачнел. Негодование холодной глыбой застряло в груди, возвращая здравомыслие.

«Отец этого не упустит», - Пребран упрямо встряхнул головой.

Дверь за спиной скрипнула, он резко обернулся, едва в чертог ступил отец.

Вот принесла нелёгкая. Теперь укорять станет. Одно хорошо, что матушка не прибежала, её бы не вытерпел видеть, не вынес бы её слёз, а рыдала она в последнее время часто, всё переживала за Радмилу, а теперь и за него взялась. Пребран и не заметил, как вспыхнул. Княжич вобрал в грудь больше воздуха, непроизвольно вытянулся.

Вячеслав смерил сына тяжёлым, как свинец, взглядом, будто к полу прибил, нарочито медленно прошёл вглубь чертога. Отец был облачен в серые суконные порты и простую рубаху, из богатства лишь вышитая горловина и вставки на запястьях и подоле. Верно, ещё никуда не выходил из терема.

- Я пришёл справиться о твоём здоровье. Ведогора больно переживает за тебя, но её к тебе не пустил. Что с тобой происходит? Давай я позову Бавока, он посмотрит тебя, в храм отведёт, обряды справит.

Пребран только фыркнул и, пройдя к лавке, тяжело рухнул на неё, откинувшись спиной о стену, смотря на отца сквозь ресницы задумчиво и долго.

- Не хочу.

Только сейчас Пребран заметил, что отец выглядит более внушительным и статным, чем когда-либо, а заострившиеся черты от бессонных ночей только сделали его ещё суровее.

- Ты понимаешь, что твоё поведение только вынуждает взять хлыст и хорошенько тебя выпороть? - и слова осуждения полились непрерывным потоком, и каждое, что гвозди, вонзались в кожу. - Ты мой наследник, моё продолжение, надежда. Почему ты заставляешь меня огорчаться, совершая мелкие гнусные поступки? Сбегаешь, нарушая мою волю и запрет. Я ведь всегда шёл тебе навстречу, и какую же плату ты мне даёшь взамен?

Пребран, выслушав долгую речь, опустил взгляд в пол. Если б он знал, что с ним, что движет им, то, наверное, мог бы ответить. Но сейчас его брало лютое раздражение и злость - обходится с ним, как с дитём.

- Мне не нужна нянька. Хочу, чтобы меня оставили в покое, хочу иметь возможность самому распоряжаться своей жизнью. А твой замысел женить меня на уродище лишь ради того, чтобы проучить меня, только порождает ещё большую неприязнь к тебе.

Вячеслав даже вытянулся, а лицо побагровело, покрываясь пятнами.

- Во-первых встань, когда я с тобой разговариваю! - рявкнул он, теряя годами выношенное самообладание.

Вокруг князя будто за клубилась невидимая глазу чёрная грозовая туча, которая мгновенно раздулась и заполняла собой весь чертог. На короткий миг Пребран вспомнил о том, что ему и впрямь ещё мало лет, и до матёрости отца уж очень далеко. Однако сколь бы тот ни внушал страх и угрозу, княжич ни на долю не усомнился в своей правоте. Но воле князя подчинился - встал и тут же возненавидел себя за это, аж перевернуло всего, будто к сердцу прижали раскаленное железо. Хотелось разнести к лесам матери всё вокруг, но он только сжал тугие кулаки, стиснул зубы, озлобленно и по-волчьи глядя на отца. Вячеслав оказался всего лишь на несколько пядей выше Пребрана, но сейчас, это малое превосходство заметно ощущалось.

- Ты ещё молокосос, чтобы так разговаривать со мной. Ты поступил подло с Избором. Он тебе в дядьки годиться, ты ему соратник по оружию, ты же на глазах у всех унижил его, используя свою власть против него. И меня поставил ни во что, и после этого ты ещё смеешь меня упрекать в чём-то?

- Нечего ему было лезть, - процедил Пребран, ярьась. - Надо было ему рожу получше начистить, чтобы не встревал, куда его не просят.

- Значит, руки ты распускать горазд, так же как и девок портить, - терпеливо и как-то разочарованно отрезал отец, скрипнув зубами, и его слова подействовали сродни удара под дых. Княжич невольно скривился, но отец, верно, принял это за насмешку.

Пребран не позволил сказать ему нислова.

- Это ты ведёшь себя так со мной! Зачем было его ставить выслеживать меня? Приставил, будто я опеке нуждаюсь! По-твоему, ты тем самым не унижаешь меня пред остальными?

Вячеслав нахмурился, кадык его дёрнулся.

- Выпороть бы мне тебя кнутами на глазах у всех, вот где стыдобища. Но ты мой сын, а потому твою оплошность беру на свою совесть.

Раскалённый гневом князь начал остывать. И от этого Пребрану сделалось гадко, давно он не ощущал себя таким сломленным и раздавленным, будто по нему табун лошадей пробежался. Уж лучше пусть бы на него наорал.

Вячеслав отвернулся и направился в сторону двери, сказав на ходу:

- Я пришлю к тебе целителя.

С этими словами и покинул чертог.

Пребран слепо глянул в запёртую дверь.

- Мне ничего не нужно, - проговорил он в пустоту, чувствуя, как короткий разговор выматал его, выпив и без того скудные силы до дна.

Однако неожиданно его будто шилом укололи. Вспомнив о том, что слышал запах травницы, Пребран разом вострепнулся, вытягивая шею, жадно втягивая в себя воздух, пытаясь различить тонкое веяние, но воздух был как обычно прозрачен и чист, никаких потоков, отсветов, следов девицы. Морок ли? Однако пусть он ничего и не ощущал, мучительная тяга дёргала жилы, толкая княжича идти по следу Зариславы.

- Ты будешь моей. Где бы ни была, найду, - просипел он севшим голосом.

Пребран, больше не медля, кинулся к двери и, распахнув её, громко окликнул:

- Будята!

Внизу лестницы послышалась возня. Пребран, удостоверившись, что его услышали, вернулся в свои покои. Жилистый юнец появился следом же, не заставив себя долго ждать. Высокий, но узкий в плечах, такого в ряды княжеских воинов не поставишь, шупловат малость, да и безус почти, а вот для службы в тереме юнец оказался весьма сноровист и скор.

- Звал, княжич? - спросил тут же он, поглядев на Пребрана выразительными карими глазами.

Пребран мрачно его окинул взглядом.

- Выясни, где сейчас Верна, челядинка, которая прислуживала Радмиле. Помнишь?

Будята задрал выше подбородок, в глазах его забились тревога и растерянность.

- Так это... не велит же кн...

- Замолкни, - оборвал его Пребран.

Знать отец совсем решил его от мира отрезать. Княжич, сдерживая ураган гнева, продолжил:

- Выполняй, что я тебе говорю, иначе не сносить тебе головы. И князь, поверь, не заметит твоей пропажи.

Молодое лицо холопа вытянулось и покрылось бурыми размером с медяк пятнами. Он быстро закивал головой.

- Слушаю, княжич.

- Найди Верну, пусть придёт к задним воротам к полуночи. Да чтоб никому не слова, - угрожающе процедил он сквозь зубы.

Юнец преклонил голову, давая понять, что веление выполнит.

- Ступай, с ответом жду тебя.

Будята скрылся так быстро, как и явился.

Оставалось только ждать. Пребран смял кулаки. Как же это его раздражало, до потери рассудка, но иного выхода не было - отец и впрямь решил заточить его в детинце.

Целитель, которого князь пообещал прислать, явился скоро. Бавок не был древним старцем, заросшим бородой, да и седины в его светлых волосах не примечалось. Дело он своё знал отменно, и отец ещё ни разу в нём не разуверился. Бавок способен был исцелять только телесные изъяны. Идти дальше вглубь души он не умел, слабоват был, но других вокруг небыло. Осмотрев княжича и расспросив его о самочувствии, знахарь удалился.

В следующий раз пришёл со зловонным отваром, заставив испытать вязкую жижу до последней капли. Пребран, морщась, всё же втянул в себя отвар, проклиная лекаря за то, что не мог приготовить снадобья послаще - едва внутренности не выплеснул вместе с этим питьём. Снадобье начало действовать немного позже. Приятное тепло, что разошлось по телу, успокоило, а затем прилила и сила. Походило на то, как будто он вошёл с мороза в натопленную клеть,

его разморило. Он стал даже равнодушным к окружению. Вроде бы прошли тревоги и тяжесть, но это казалось только снаружи, внутри же зияла раскалённая пустота, напоминая Пребрану, что он лишился чего-то важного, значимого, без чего если и может существовать, то в вечных стенаниях. Если силу телес Бавок, восполнил, то волей продолжала управлять эта бездонная дыра внутри него. И заполнить её может одна единственная женщина в этом мире - Зарислава.

К закату всё вернулось на свои места - раздраженный и резкий, что молодой жеребец, которого пытаются приструнить, Пребран метался из угла в угол.

На счастье вернулся Будята с вестью о том, что нашёл челядинку. Оказалось, что ныне она прислуживает одному знатному купеческому роду, что обосновался недавно на посадке. Верна, как велел Пребран, будет ждать его у ворот крепостных острогов. Тревога немного унялась. Приободрившись духом от того, что челядинка отыскалась в городе, Пребран стал неспешно собираться. Теперь ожидание не казалось таким мучительно тягостным. Но сомнение всё одно закрадывалось в душу - вдруг девка в лютой обиде на него, пообещала, а сама не явится?

Поглощённый тишиной, Пребран терпеливо наблюдал, как во дворе и на стенах возгораются факелы, а в небе бусины звёзд становятся ярче. Когда настала полночь, облачившись в походную одежду и опоясавшись, он сгрёб со стола тяжёлый мешочки с кунами и покинул опостылевшие до омерзения стены. Спустился во двор, нырнул в ночную прохладу, как в реку окунулся.

Стражники, что сновали, казалось, повсюду: на стенах, на главных воротах - сразу обратили на него внимания, но никтоне решился пойти к нему навстречу, верно после с тычки с Избором связываться с ним не желали.

Пользуясь заминкой, Пребран поспешил покинуть порог теремаи широким шагом с грацией волка устремился напрямик к воротам. Так же беспрепятственно он вышел к невысоким створкам, которые никем не охранялись. Ведь никто не осмелится пересечь детинец, полный вооружённых до зубов воинов, что снуют туда-сюда постоянно и днём, и ночью.

Боги, верно, сопутствовали ему, позволив беспрепятственно достигнуть бревенчатой вежи с глубокими воротами в стене. Выйдя на дорогу, он постоял, привыкая глазами к крошечной темноте, напряжённо вглядываясь и вслушиваясь в каждую тень и шорох, осматриваясь по сторонам.

Неужели Избор ещё не заметил его? Или же заметил и выжидает подходящего времени, чтобы застать врасплох, как тогда, когда его подкосил приступ. Теперь наверняка на него точит зуб, теперь станет из-подтишка брать. Но не с тем бодаться собрался! Теперь Пребран поступит хитрее. Помыслив об этом, он нутром почуял, что за ним следят. И нужно бы поторопиться, но дорога всё ещё оставалась пустынной.

Не успел Пребран разозлиться на то, что Верна всё же его обдурила, как на его грудь легли почти невесомые ладони. Следом он почувствовал, как к спине прижимается гибкий стан.

Надо же, как незаметно подобралась!

- Любимый мой... Я знала, что ты меня позовёшь, что одумаешься, и поймёшь. Я так ждала тебя, никуда не уходила, тут оставалась, подле тебя, - услышал приглушенный лепет Верны и мало что разобрал в её непрерывной болтовне.

Он помнил, зачем позвал её, а потому мешкать не стал, развернулся, и в один миг Верна оказалась в его крепких объятьях. Она нисколько не изменилась: длинная смоляная коса лежала на плече, карие, но в ночи почти чёрные с мутным блеском глаза смотрели на него с жадностью и желанием, кожа имела в свете луны необычайно белый цвет. Верна была красивой девкой, но чувства к ней давно остыли. Разве только...

Тонкие пальчики вцепились в ворот его кафтана. Верна не стерпела миг ожидания и, подтянувшись к лицу Пребрана, впиалась ему в губы. И он в свою очередь нисколько не препятствовал тому, ответил на ненасытные сладкие поцелуи. Однако его прикосновение явно

нельзя было назвать лаской, он врывался в её рот языком, терзал и кусал её губы, грубо сминая челядинку руками, но Верна и не замечала его жесткости, напротив, нравились ей его объятия, всё шептала:

- Я так скучала, ты мой. Хочу тебя, немедленно...

- Дурная... - прошептал он и не заставил её долго ждать, чтобы доказать, как он тоже хотел её, прямо здесь, у ворот.

Развязав тесьму на портах, высвободив восставшую плоть, он подхватил девку и, придавив к частоколу, задрал платье. Не позволив опомниться, рванулся вперёд, проникая в горячее лоно, заполняя её до самого упора. Верна от такой пылкости задохнулась, с шумом, через раскрывшиеся губы, вобрала воздух, будто собиралась нырнуть в глубины вод. Вцепившись в его плечи, она закрыла глаза, стараясь удерживаться под частыми и резкими толчками.

Пребрану понадобилось немного времени, чтобы приблизиться к самому пику наслаждения, но этому не дали свершиться скрипнувшие ворота. Княжич замер, крепко держа девку на весу. Что ж, оно так и лучше будет. Теперь они его не заподозрят в том, что он помышляет сбежать.

Верна притаилась, прижимаясь к его груди. Из ворот торопливо вышли сразу трое кметей с факелами и вооруженные и направились в их сторону.

Избор нисколько не смутился, когда разглядел в свете факелов княжича. Верна стыдливо отвернула лицо, прячась, но куда там, их было хорошо видно, даже слишком. Завидев распластавшуюся девицу с голыми ногами под Пребраном, кмети закашлялись. И только Избор оставался неизменным твёрдым, перебитая переносица делала его ещё грознее.

- И что, так и будешь стоять смотреть? - усмехнулся Пребран, нарочно погладив голое бедро Верны.

Побратим если и хотел что-либо ответить, то отчего-то передумал. Подал знак воинам, и кмети всей гурьбой вернулись за ворота.

И как только они остались одни, Пребран, дыша часто и глубоко, сжав горло Верны, продолжил проникать в неё, вынуждая ту мгновенно забыть о случившемся недоразумении. Слишком долго он воздерживался, а теперь не мог остановиться - взорвался слишком скоро. Верна застонала, хватаясь за княжича, как за спасительный сук. Излившись в неё, он отстранился, но девка обмякла, не в силах стоять на ногах, повисла на шее, как намокшая под дождём рубаха.

- Любимый, - пискнула она, уткнувшись носом ему в шею.

Отойдя от всплеска жара, Пребран, осмыслив сказанное ей, скривился, подавив порыв оторвать от себя Верну и оттолкнуть. И хотелось бы, но не для этого он позвал её. Она нужна ему сейчас.

- Мне нужна лошадь. Сможешь раздобыть для меня? Скажу, где и у кого. А затем приведёшь к берёзовому мосту.

Верна в удивлении посмотрела на него, но Пребран не позволил ей возразить, вложил в руку оплату.

- Одну лошадь? Ты куда-то собираешься? - забеспокоилась она.

Пребран шумно выдохнул через нос. Он бы ответил ей, что это не её ума дело, но поболся обидеть, и вдруг та не выполнит ничего. А подумав ещё немного, понял, что девка в дороге ему ещё пригодиться.

- Глупая, конечно не одну, тебя я теперь не оставляю.

Верна просияла, да так, что глаза сверкнули лунами.

- Всё сделаю.

- До восхода жду тебя там.

Глава 5. Болото

Глава 5. Болото

Ночь не спешила отступать. Рассвет забрезжил над лесом неохотно, тускло пробиваясь сквозь кроны, разгоняя тьму. Постепенно верхушки стволов ярчали - из посеревших во мгле становились багряно-оранжевыми и теперь высились, как лучи, пронзая острыми макушками небо. Хотя между сосен ещё плавал седой туман, окутывая, как в шубы, деревья, мётлы хвой стали ярко-изумрудными. Воздух будто уплотнился и опускался на землю влажным полотном, он был совершенно неподвижен. Даже птицы не щебетали, не шуршали над головами ветви.

Вскоре заёрзал Вратко, пробуждаясь, за ним подтянулся и Стемир, сонно продирая глаза, воины одним за другим начали подтягиваться к костру, переговариваясь с тысяцким. На шум поднялась и Зарислава. Подсев к огню и кутаясь в накидку, она кротко поглядывала на кметей. Сейчас было особенно видно, как травница изменилась за время пути - казалась ещё более хрупкой, тонкой, глаза на похудевшем лице стали больше и сияли голубизной, как озёра, но кожа по-прежнему была мягкой, белой, не тронули её ни ветра, ни жёсткая вода. Воздух надсадно вырвался из груди, Марибор сжал кулаки, чувствуя, как подрагивают пальцы, отвернулся. Хотя воины и так понимали, что к чему, уходили, когда то требовалось, и уж ни для кого не оставалось в тайне, что происходит меж ними.

Поутреничав вчерашней ухой, воины собрали вещи, водрузили на взнузданных лошадей и, попрыгав в сёдла, покинули становище, держа путь на север.

Под гнётом тяжёлых, влажных и серебрившихся от росы крон да туманного колтуна, что навис над лесом, никому не хотелось разговаривать. Отряд молча двигался через лес, тревожа местную живность. Изредка слышалось жужжание пчёл, ухали сипухи над головами, глухо стучали где-то вдалеке дятлы, в еловых метлах тут и там проскакивали рыжие белки. Марибор всё никак не мог отделаться от смутного ощущения, что Творимир следит за ним. Бледное лицо старца с поблёскивающими во тьме глазами мерещилось повсюду, так и казалось: вот сейчас выйдет из дебрей, преградит путь, хоть это было и невозможным - прах его уж давно разлетелся по земле.

Княжич обернулся. Позади, вглядываясь в кущи, ехал Стемир. Его вороной мерин, понурив голову, плёлся, то и дело шевеля ушами. Немного отстав, следовал Вратко. Марибор поглядел вперёд, на широкую спину Зарубы. Рядом, что жаворонок, держалась Зарислава. Отряд будто погрузился в сон, но продолжал двигаться.

Внезапно Марибор ощутил, как тело объяла дрожь, а в груди распалился, словно кузнечное жерло, жар, сдавливая огненным обручем. Вместе с тем всё тело будто отяжелело, руки и ноги налились свинцом. Всадники поплыли перед глазами, вслед им и лес.

Тысяцкий, словно почуяв неладное, обернулся, смерив Марибора хмурым взглядом, верно, ждал подвоха от ночного купания. Помолчав, он вздохнул и отвернулся.

Дорога через лес казалась бесконечной. Непонятно было, когда же расступятся нависшие над лесом неуклюжие кручи, которые так и опускались на плечи непосильной тяжестью уже целую седмицу. Монотонность пути не прекращалась, начавшийся жар тянул силы, нещадно одолевала слабость. Сжимая в подрагивающих руках повод, Марибор, борясь с недугом, осматривался, но вновь и вновь видел только серую массу леса, которая с каждым шагом становилась всё неприветливей, всё враждебней. Ели и лиственницы, будто одичалые старцы, выступали вперёд, их косматые лапы походили на бороды, а кривые ветки - на крючковатые руки, что норовили зацепить за плащ и волосы. В воздухе витал тяжёлый дух, как на поле брани, где земля ещё недавно была пропитана кровью. Здесь же вместо павших воинов кренились под

гнётом беспощадного бремени замшелые деревья, а новые земля так и не смогла родить, напитывая водой жёлтые мхи, губя проклюнувшиеся, было, на свет молодые ёлки. Гиблые места, теперь понятно, почему люд не селится здесь, в такой глуши. А вот для берлогов самое место.

Путь стал ухабистым. Тряска отдавалась болью в теле, и Марибор, больше не в силах сносить муку, стал пошатываться в седле. Взгляды воинов теперь были прикованы к нему, но никто не смел справиться о самочувствии - и правильно делали, знали, что могло последовать в ответ. Мимо проехал Стемир, пристроившись к Зарубе, и они о чём-то переговаривались, посматривая в сторону княжича. Марибор не слышал их, лишь невнятное гудение. Да и едва ли он мог различить стволы деревьев, землю перед собой, лишь смотрел на бурый загривок мерина, который изредка вскидывал голову, стряхивая назойливых насекомых, стриг беспокойно ушами.

Хвала богам, лес стал постепенно расступаться. Вековые деревья всё больше заменялись молодняком, перемеживаясь с низкими кустами ольхи, дикими яблонями. Кмети приосанились, радуясь тому, что скоро можно будет встать на отдых, но, выйдя на перелесок, поросший едва ли не в человеческий рост травой иван-чаем, помрачнели. А как прошли ещё немного вёрст, копыта коней начали увязывать во влажной мочажине, поднимая со дна гнилостный запах. Потеряв надежду встать на привал, слушая как жалобно хлопает и голодно чавкает под копытами лошадей трясина, как уныло пищит возле ушей комарьё, путники совсем понурились. Кмети непрестанно вглядывались в подёрнувшийся маревом оком в надежде, что вот-вот покажутся жилые кровли, но болоту не было конца. Когда перед отрядом снова вырос глухой стеной лес, воины помрачнели. Никаких следов жизни вокруг не примечалось, а следовательно, о деревеньке никто и не заговаривал. Нырнув под мрачную сень деревьев, отряд остановился.

- Всё, привал, - громко скомандовал Заруба остальным, хмуро оглядывая Марибора.

- Кто знает, как долго ещё до Кривицы, так и без лошадей останемся, - поддержал его Стемир.

Воины согласно закивали, разбираясь на ночлежку. Рассёдланные, изголодавшиеся за день пути лошади стали жадно рвать скудные поросли травы. Марибор прыгнул наземь, но твердь под ним покачнулась, а от удара в висках забилась боль. Кое-как стащив вещи, княжич без сил опустился на землю. Устроившись под низкой кроной ели, прислонился спиной к рассохшемуся облупленному лосями стволу. Он смахнул с лица взмокшие волосы, чувствуя, как к спине прилипает рубаха, словно чьи-то прохладные ладони. Дышать было трудно, и горло издавало надсадный сип, в голове от усилий гудело, и жар волнами накатывал на грудь, стягивал в тиски. На глаза давило, и было мутно, как будто смотришь на отражение в запотевшей стали. Малейшее дуновение ветерка жгло кожу, подтверждая опасение в приближении хвори, поглощающей с каждым вздохом.

Озадаченный Заруба всё же предстал перед Марибором.

- Хочешь, злись, княже, хочешь, лютуй, но ты нам ещё нужен живой. Зарислава!!

Марибор сглотнул, спорить с тысяцким не было никаких сил.

Травница, оставив походные вещи, направилась к ним. Стемир, слышав оклик, тоже приблизился. Вряд ли Будимир остались разбирать вещи, настороженно поглядывая в их сторону.

- Что случилось? - спросила она, переводя взгляд с тысяцкого на Марибора, верно, только она одна не ведала, что происходит.

- Нынче ночью Марибор решил искупаться.

Лицо Зариславы мгновенно побелело, но травница не сказала и слова, только плотно сжала поблекшие губы. Теперь на белом, как снег, лице, голубые до невыносимости глаза наполнились беспокойством. В следующий миг Марибор ощутил её тёплые ладони на своём лбу, щеках.

- Похоже, жар, - сказала она, торопливо стащив поясную суму, развязала узлы, выудила кожаный мешочек, заглянула внутрь. - Думаю, хватит сделать отвар. Что же молчали, раньше не говорили? - укорила она тысяцкого, наградив того хмурым взглядом, что он так и потерял дар речи.

- Он не виноват, - вступился Марибор, от чего тоже получил укоризненный взгляд от травницы.

- Я сейчас, - Зарислава, не теряя времени, подобралась, покинула мужчин.

- Не нужно было тебя отпускать, - выбранился Заруба.

- Перестань, - одёрнул Марибор. - Я не дитя малое, чтобы нянчиться со мной и отчитывать, - сказал он, отрывая взгляд от травницы, ощущая, как по венам растекается калёным железом жар.

- Выходит, что так, - вмешался Стемир, и в голосе его прозвучала непоколебимая твёрдость. - Это же тебе не Купальская ночь, в воде плескаться.

Всё было бы хорошо, если бы он не нахлебался воды, но не рассказывать же им, что на самом деле стряслось. Зачем наводить смуту? И так заплутали, а впереди неизвестно что ждёт их. Марибор промолчал, глядя на суеящуюся у костра Зариславу - огонь успели разжечь Вратко и Будимир. Привычными движениями она поставила на пламя чугунок, влила воды. И в самом деле, пора бы принять, что с ним не всё в порядке, возможно и в седло-то поутру не поднимется, не сможет, а задерживаться в глуши опасно. После рассказней Зарубы так и вовсе следовало поостеречься. Если это земли берлогов, то хозяева, поди, вскоре прознают о чужаках и заявят права, если долго оставаться на их границе.

- Нужно было раньше попросить о помощи, - посетовал только Заруба, бросая на княжича безутешный взгляд, отходя.

Стемир, потоптавшись, тоже оставил Марибора, когда вернулась травница с глиняной чашей в руках, из которой струился пар. Отвар тут же оказалась в его руках. Зарислава поднялась и снова отправилась к костру. Марибор, тоскливо посмотрел ей в след, тягуче вобрал в себя знакомый аромат пахучего сбора трав. Кажется, это были тысячелистник и медуница. Снадобье, которое когда-то подняло Данияра на ноги и исцелило Марибора до последнего рубца.

- Пей, - поторопила Зарислава, вернувшись, накинув ему на плечи тяжёлый покров из медвежьей шкуры, присела рядом.

Марибор глянул поверх головы травницы. Будимир хозяйничал возле костра, готовя какую-то снедь. Зарубы и Стемира не оказались поблизости - знать, ушли обходить места. Вратко возился с лошадьми, насыпая тем корм - оставшийся запас проса.

Княжич опустил взгляд. Зарислава ожидала, тревожно глядя на него. Верно, он и впрямь выглядел неважно.

- Помогут они только к утру, - предупредила она. - Слишком мало осталось. Это последнее. Теперь до весны ждать.

Чтобы утишить её волнение, Марибор поднёс горячее варево к губам, отпил. Терпкий отвар обволок горло, согрел. Он пил медленно, пока не почувствовал лёгкость.

Зарислава забрала опустевшую плошку.

- Останься со мной, - задержал её Марибор, когда она собралась уходить.

Забрав назад плошку, отставил.

- Иди ко мне.

Зарислава поддалась, но невольно оглянулась на копошившегося в вещах Вратко и помешивающего варево Будимира.

- Может, мы неправильной дорогой идём? - вдруг спросила она.

Марибор не сразу понял смысл её слов. В голове горели иные мысли. Да, возможно, Кривицы уже и нет, но об этом думать он хотел меньше всего, по крайней мере, сейчас. Он помыс-

лит об этом завтра. Сейчас он жаждал другого - ощущать под ладонями мягкость и изгибы тела Зариславы. Когда ещё ему доведётся и доведётся ли вообще? Возьмёт и передумает, ведь обручье так и не отдаёт и от ответа уходит, и бог знает, что и думать.

- Завтра будет ясно, - прошептал Марибор, чувствуя, как ослабевают огненные обручи, что стягивали его грудь, как отступает бившая в виски боль, дышать стало ощутимо легче. И оставалось только гадать, помогли ли травы, или так на него влияет она.

Марибор коснулся пальцами нежной и гладкой кожи её руки, погладил, вырисовывая узоры, ощущая, как травница задрожала, и мир вокруг поплыл. Марибор будто ошалел от одного чувствования её трепета, утопая во взгляде прозрачно-голубых, как перед бурей, глаз. До ломоты захотелось обладать ею прямо здесь, ласкать всю её, целовать каждую пядь тела, оглаживать эти хрупкие плечи, сжимать упругие, налитые груди.

- Почему боги не послали мне тебя раньше? Тогда, быть может, нам бы не пришлось бежать, - сказал лишь он, подавив желание.

Зарислава затаилась, но, насмелившись, пошевелилась, подняла голову.

- Тогда кто знает, с чем бы нам пришлось столкнуться ещё, - ответила она чуть с хрипом. Марибор усмехнулся.

"Нам", - отдавалось в голове, а помниться, совсем недавно она просила не искать встреч с ней.

Высвободив руку, он провёл пальцами по её гладкой щеке, коснулся губ. Зарислава закрыла глаза, тёмные ресницы затрепетали. Что он делает, бесы бы его побрали?! Ещё ни одна девица не доводила его до такого безумия. Внезапная мысль о том, что она может предпочесть другого, нещадно поглотила его, выжгла напрочь здравый рассудок.

Марибор склонился, но Зарислава открыла глаза, чуть отстранилась.

- Лучше не сейчас.

- Думаешь, они ничего не замечали раньше? - погладил Марибор её тёплую шею, забираясь пальцами за ворот кожуха. - Они уже обо всём давно догадались.

В вечерней мгле на белой, как молоко, коже травницы было отчётливо видно вспыхнувший, как закат, румянец. Она всё ещё была девственной, не раскрывшейся в своей полной, истинной красоте, и это одурманивало.

- Тебе поспать нужно, - ответила она, совсем оробев.

- Ну, если причина только в этом, то это вовсе неважно.

Не позволяя больше возражать, Марибор притянул её к себе, укрывая шкурой. В его руках она показалась совсем хрупкой, тонкой и гибкой, как веточка берёзы. Обхватив её за узкую талию, он прижал крепче.

Зарислава прильнула к его груди с лёгким смущением, но так же желая касаться, пытаясь отвечать теплом, как могла.

- Видишь, нас и не заметно.

Лёгкий и быстрый выдох сорвался с её губ, и Марибор не сдержался. Накрыл её сухие, чуть обветренные уста.

Зарислава не отстранила его, ответила на поцелуй. Марибор забыл обо всём. Она его, и это мысль пьянила. Вскоре губы её от столь жаждущего натиска вспыхнули, побагровели, как калина, и стали горячими, мягкими и ещё больше манящими. От ощущения на языке их лакомого, пахнущего мёдом вкуса кровь загустела мгновенно, разливаясь по венам тяжёлым жаром, ухнула свинцовой волной в пах, выказывая готовность. Перебарывая дикое вскипающее влечение, от которого он едва не задохнулся, Марибор страстно переплёл пальцы с тонкими, ставшими тёплыми и чуть подрагивающими пальцами Зариславы, но вместо того, чтобы прервать поцелуй, углубил его и она снова ответила. Всё мышцы его заныли, напрялись, будто перед схваткой, пришлось сделать большое усилие, чтобы не выпустить руки Зариславы, иначе не

остановится, как едва остановился вчера. Ещё никогда ему не приходилось испытывать такую бешеную, неукротимую тягу, которую он неведь как смог усмирить.

Зарислава и без его слов почувствовала, что происходит, немного отстранилась, и хорошо - он бы не смог.

- Я всё понимаю... - сказала она едва слышно, дрожа в его руках, убирая тёмные пряди волос за ухо.. - Лучше мне уйти, тебе нужен отдых.

Марибор склонился, скользнув губами по виску, прошептал на ухо чуть сдавленно:

- Не могу тебя отпустить. Зарислава... дай только до места добраться.

Он поймал её пальцы и прижался губами к мягкой ладони. И верно, разумно было бы поступить так, но любая мысль о том, что она исчезнет, оставив пустоту после себя, повергала в холод.

Пусть и дуреет, как ненормальный, от её близости, воздержится, но не отпустит. Княжич горячо выдохнул, а потом едва ли не с мучительным стоном сжал травницу крепче, стараясь не причинить ей боли, так и держал, унимаясь, вдыхая её благоухающий запах, напоминающий хмельной аромат цветущей липы и яблони.

Зарислава положила голову ему на грудь, обвила руками его пояс, затихла.

Надолго объяла тишина.

Вскоре вернулись Заруба и Стемир, поглядывая в сторону их укрытия, не стали мешать и звать к трапезе. Стемнело быстро. Зарислава стала дышать ровнее, постепенно расслаблялась. Сжав её плечо, Марибор понял, что она уснула. Укутавшись плотнее, чтобы ночная мгла не смогла пробраться к ним, Марибор закрыл глаза.

- Марибор, очнись, - кто-то трепал за плечо.

Княжич разлепил ресницы, дёрнулся, но что-то помешало ему подняться. Зарислава, что спала рядом с ним, приподнялась, завертела головой, спросонок не понимая, что происходит.

- Прости, княже, нам пора выдвигаться, - услышал он более внятно голос Зарубы. - Нашёл я дорогу, оказалось, что мы немного сбились с пути. И лучше поторопиться, места здесь гиблые, беспокойные.

Марибор провёл по лицу ладонью, смахивая сонливость. Как ему не хотелось подниматься, так бы и лежал, прижимая к себе Зариславу, но нужно было внять совету тысяцкого.

- Как ты? - спросила травница, натягивая на плечо шкуру. Верно, тоже не была готова выбираться наружу так скоро.

В самом деле, было холодно даже слишком для столь ранней осени. Наверное, всё из-за болота, оттуда тянулась промозглая зябь.

- Лучше, - ответил он, оглаживая её плечи, натягивая выше тяжёлые меха. Хоть и не успел толком понять это сразу, но жар отступил.

Заслышались голоса кметей, ржание коней. Заруба уже всех разбудил спозаранок, кмети собирались в путь, а потому не оставили никакого выбора, пришлось поспешить. Выругавшись, княжич приподнялся, но в последний миг порывисто притянул к себе Зариславу, обхватив ладонью тонкую шею, где билась горячая ярёмная вена, прошептал:

- Спасибо...

Зарислава посмотрела на него долго, и Марибор отчётливо увидел в озёрах её глаз серебристые прожилки. Теперь в её взгляде не было и доли сомнения, будто в чём-то она убедилась окончательно. Неожиданно травница подалась вперёд, прильнув горячими губами к его устам. Марибор на миг потерял дыхание. Зарислава ощутив взорвавшееся возбуждение, отстранилась, и лёгкий румянец лёг на её щеки, доводя княжича до исступления. И если бы они задержались ещё хотя бы на мгновение, он остался бы с ней здесь. Но хвала богам, травница поднялась, оставив призрачную дымку дурманящих запахов, пуская в их укрытие холодный воздух, который заставил Марибора охолонуть.

Чувствуя прихлынувшую бодрость, княжич поднялся вслед. Разминая шею и лопатки, он собрал вещи и взгляделся в небо, которое так и оставалось беспросветным, лишь немного подернувшимся рассветным багрянцем. Морось, что брызнула с вышины влажных хвой, окропили лицо - сам лесной дух игрался с ним.

Лагерь собрали споро. Под бодрые командные выкрики тысяцкого и смешки Стемира медлительные Вратко и Будемир лениво, бурча себе что-то под нос, водрузили мешки и, погрузившись в сёдла, путники покинули место ночлежки.

- Не хватало ещё, чтобы дождь застал, дороги развезёт, тогда ещё незнамо сколько будем плестись, - рокотал, как грозовой раскат, голос Зарубы.

И чего нашло? Верно, чуял земли Хозяина леса, о котором вчера ночью поведал. Что ж, Марибору хоть и казался его рассказ небылицей, но послушать его стоило. Да и скорее бы попасть за стены. В самом деле, если начнутся дожди, то добираться до острога придётся ещё целую седмицу.

Марибор, чувствуя, как плещется бодрость в теле, подогнал мерина. Воистину, Зарислава имела чудотворное влияние. Выискав взглядом травницу, Марибор задержал дыхание. Скорей бы уж добраться...

Мрачный лес сменился молодым березняком, а потом и вовсе путникам открылись просторные луга, лишь вдали виднелись редкие плешины кустарников да пролески. От радости кмети, подстёгивая лошадей, спешили за возглавлявшими отряд Марибором и Зарубой, так и не остановившись на привал до самого вечера. А вскоре завиднелись вдали оранжевые огоньки - то была деревня вергенов, о которой говорил Заруба. Всадники уже бодрее подгоняли лошадей, предвкушая тёплый кров и сухую постель.

Когда путники добрались до первых дворов, залаяли псы, повыскакивали на улицу люди, верно не ждали столь поздних гостей, да и откуда тем взяться в далекой глуши. Марибор сморил Вратко строгим взглядом, когда тот схватился за рукоять меча, и кметь тут же сбросил руку. Не хватало ещё, чтобы кто-то из селян подумал, что гости желают нанести вред. Если местные были бы враждебно настроены, то не позволили бы приблизиться к кровлям ни на версту, напали бы ещё на отшибе.

Но Марибор не мог оставаться в полном спокойствии, увидев в руках мужей топоры и колья, вернул внимания на пояс, где покоился его меч, напрягся. Приготовившись в любой миг атаковать. Хоть и знал, что ни один из них первым не кинется очертя голову. Мирный народ никогда не станет разжигать бойню, храня надежду, что кровь не прольётся. Это не степняки, готовые глотку перегрызть за куну. Разглядев в темноте вооружённых кметей с секирами и облаченных в броню, селяне поняли, что никакой опасности нет. Однако оружия не побросали, всё равно настороженно сжимали, следя, за отрядом, который проехал к зубчатому острогу, что раскинулся на холме.

Немаленькая деревенька оказалась Кривица. Зияли раскрытые ворота, словно пробоина, и оттуда высыпали люди. Парни светловолосы расступились, навстречу путникам вышел крепкий старец, проживший ни больше ни меньше, как век. У него были такие же, как у юношей, белокурые волосы и карие пронизывающие глаза, острые черты лица. Он медленно, с прищуром оглядел каждого кмета и остановил взгляд на Мариборе, лицо старика вдруг расправилось, уста тронула улыбка, будто он узнал далёкого побратима. Вратко и Стемир переглянулись.

- Здрав будь, хозяин, - начал первым Марибор. - Мы пришли с реки Тавры, из города Волдара. Ищем пристанище на ночлег. Как величать мне тебя?

Староста помолчал. Марибор ощутил, как замерли люди за спиной в ожидании. Повеяло сырым ветерком, всколыхнувшим волосы и бороду старосты.

- И тебе не хворать, - ответил, наконец, он, перевёл взгляд на Зариславу, и взгляд его ещё больше смягчился, при виде хрупкой девушки среди мужей. - Имя моё Аколим. Просишь

на ночлег пустить, что ж, милости прошу, с добрыми гостями местом и хлебом мне не жалко поделиться.

Сыновья старосты недоумённо переглянулись, верно, не ожидали, что отец пустит под кров чужаков.

- Отец! - выступил старший из них, грудь которого была покатая, шея что у вола - здоровый парень, видно, самый старший. - Как нам знать, что не желают нам зла? Если пустим на ночлег, не воспользуются ли своим оружием?

Повисло гробовое молчание, люди будто в землю вросли.

- Зла никому не причиним. Если нужно, могу поклясться перед богами, - ответил Марибор, чуя кожей, как пошатнулась уверенность народа.

- И за людей своих я ручаюсь, - добавил Марибор.

- Не нужно, Марибор Славерович, верю я тебе на слово. Тарас, - строго посмотрел староста на сына, - заberi у пришедших лошадей.

Тарас, ссутулившись, хоть и скривил физиономию, а воле отца подчинился, знать уважение и почтение имел.

Толпа с облегчением выдохнула, переговариваясь, пока путники прыгивали наземь. Лошадей тут же забрали младшие сыновья старосты, повели в хлева.

Аколим, впустив гостей в ворота, повёл их через широкий двор, освещённый факелами, довёл до массивного, высокого с резными столбами порога терема. Марибор огляделся. Добротная была изба старосты, из дубовых брусьев, в два яруса.

На крыльцо встречать гостей выскочила тоненькая женщина с русыми косами, прошитыми сединой. Вытирая второпях руки о расшитый передник, она поправила повой. Хоть и взволнованна была приходом чужаков, но на тонких губах заиграла добрая улыбка, выказывая почтение, такова традиция - ночь ли на дворе, день, а гостей прими, накорми и спать уложи. Она не стала дожидаться, пока поднимутся гости, скрылась за дверь.

Горница, как и предполагалось, была широка, посередке длинный стол, выстеленный домотканой набеленной скатертью. Видно, всё семейство жило в одной избе, сохраняя старшинство. Сразу из-за дверей повыныривали головы детей. Было душно, пахло ржаным квасом и хлебом. Кмети, соскучившиеся по домашнему теплу, разомлели разом, заводили носами, вбирая запахи.

- Проходите, разделите с нами трапезу, - пригласил староста, останавливаясь у своего почётного места во главе стола.

Воины не застали себя ждать, заняли места по обе стороны. Марибор опустился на скамью рядом с Аколимом, рядом примостился Заруба, напротив - Стемир, Вратко и Будимир. Зарислава села подле Вратко, робко посматривая на хозяина терема. От внимания Марибора не ускользнуло, как травница волновалась, стала белее скатерти. Но вдруг рядом с ней примостился один из сыновей старосты, за что сразу получил шлепок полотенцем по макушке от одной из дочерей старосты - все они были так сходны чертами, что не спутаешь. Марибор ощутил, как грудь продрала опаляющая волна яда, подкатила к горлу, задушив. И когда все братья расселись за стол, потеснив остальных, младший случайно коснулся своим плечом плеча Зариславы. Непроизвольно руки княжича сжались в кулаки, а горло свело судорогой. В этот самый миг травница подняла голову, посмотрев на княжича, в глазах её вспыхнул испуг. Она быстро глянула на сына старосты, который имел наглость улыбнуться ей, лицо её залило краской, а глаза наполнились растерянностью.

Следом появились чернобровые девки, видно, жёны старших сыновей, отвлекая от скверных чувств, которые захлестнули Марибора с головой. Стол начал быстро заполняться едой и напитками, так что вскоре не осталось и простора. Усталость на лицах женщин говорила, что день выдался трудным, и они уже были готовы ложиться спать, если бы не чужеземцы. Давно

не потчевавшись домашней едой, воины налегли на горячую похлёбку из фасоли и репчатого лука.

- Значит, путь держите к Деннице? - спросил вдруг Аколим, разрывая молчание. Он, верно, тоже не остался довольным поведением младшего - опуская ложку в кашу, зыркнул на сына так, что тот сразу помрачнел и почему-то глянул на Марибора.

Княжич ощутил, как локоть Зарубы ткнулся ему в бок. Понадобилось время, чтобы заставить себя отлепить взгляд от раздумывавшейся травницы.

- Да, к Деннице, - сухо ответил Марибор.

Есть совершенно перехотелось, не смотря на то, что за целый день они так и не присели, но ради приличия запустил ложку в похлёбку.

- Ты прости, что так встретили. Я сразу узнал кто ты, похож на Славера, тот часто заезжал в наши края.

Марибор не смог разлепить губы и ответить, словно их смазали дёгтем, а мир вокруг стал чёрным и непроглядным от гнева. Снова повисло напряжённое молчание.

Некоторое время было слышно, как ложки опускались в похлебки. Нехотя Марибор сделал пару глотков, горячая снедь только язык обожгла, вкуса он никакого не почувствовал. Из двери по-прежнему высывались белоголовые макушки отроков, взрослые же сыновья сидели молча, лишь изредка поглядывали на гостей исподлобья. Зарислава сидела зажата с обеих сторон, почти не поднимала глаз. Марибор сильно пожалел, что согласился сесть за общий стол.

- Спасибо за гостеприимство, - сказал княжич, отодвигаясь.

Сыновья подняли в голову в удивлении. Не дожидаясь ответа, Марибор поднялся и пошёл из горницы, намериваясь как можно быстрее глотнуть свежего воздуха.

Глава 6. Новое пристанище

Глава 6. Новое пристанище

После крова старейшины Аколима Зарислава ощущала себя отдохнувшей. Быть может, в предвкушении близившейся к концу дороги, которая изрядно измотала её. В преддверии отдыха ехать стало легче и веселее, даже вчерашний неурядица с Марибором забылась. Княжич, хоть и молчал, не согрев тёплым словом, как он делал по утрам, но взгляд его наполнился теплом. И Слава Богам, что дорога увлекла. Время потекло звонким ручьём, наполняя новыми силами. Заруба, ехавший рядом с Марибором, бодро вел с княжичем о чём-то разговор, и его смех время от времени докатывался до ушей Зариславы. Она невольно поймала себя на том, что силится вслушаться, но ничего существенного для себя не нашла. Всё так же речь шла о дороге и народе, коему ещё предстоит отдать хвалу и поклон до земли. К ним подтянулся и Стемир. Марибор изредка оборачивался и окидывал Зариславу спокойным, но сосредоточенным взглядом. Она, верно, покрывалась багровыми пятнами, вспоминая произошедшую меж ними близость, отводила взор и гнала прочь неуместные мысли, стараясь думать о новом пристанище, поднимала глаза к васильковому, ясному небу - впервые за целую седмицу распогодилось. Только в такое время солнце может быть настолько ярким и не опаляющим, мягким, как в жаркие дни купальские. Да и Перуново время дождей и гроз ожидалось нескоро. Настало время, которое Зарислава любила. Время тишины природы и замирания. Ко всему глаз радовалось красочное убранство деревьев и лугов. Бывшая когда-то изумрудно-зеленой, сочной да блестящей трава пожухла, местами пожелтела и задубела. Высились с обеих сторон в рост чело- века колючки да запылённые лопухи с лиловыми маковками. Однако лошади не брезговали таким лакомством, на ходу жадно хватали мягкими губами жёсткую траву. Наверняка в Ялыни уже началась жатва. Вспомнив о деревне, Зарислава целиком утонула в мыслях о родном крае, не заметив, как раскалённое око перекаатилось к зениту. Вереница двигалась всё вперёд, пока лес не начал расступаться, а путь не стал ровным, оставив позади каменистые дебри, открывая взору чужие, неизведанные просторы.

Зарислава сощурилась от яркого света, разглядывая в сизой дымке извилистую, поблёскивающую серебряной змейкой реку.

- Вот и прибыли к месту, - отозвался Заруба, тоже щуря глаза. - Река Денница. Там за перелеском обжитые земли.

Сердце Зариславы разом подпрыгнуло, охватило её волнение, которое, верно, за раздумьями уснуло.

- Что же нас никто не встречает? Подобрались, поди, к самому сердцу острога, - фыркнул Стемир, приглаживая усы, косясь в сторону леса. - Чужаков так легко пропускают.

- Наверное, уже хлеб с солью готовят, - осмелился пошутить Вратко, но тут же остыл под ледяным взглядом Марибора.

- Нечего болтать попусту, - вмешался Заруба, но Марибор его остановил.

- Лучше поспешим, - бросил княжич кметям, пустил гнедого по ухабистому склону.

Остальным только и пришлось нагонять.

До места они добрались не так уж и быстро. Успели набежать облака, закрыв светило, и от солнечного, вселяющего в душу тепло дня не осталось и следа. Небо теперь хмурило, рассеивая туманное марево по земле. Перелесок давно остался позади, а дорога всё виляла по склонам да ухабам. Русло реки крылось за лесом, и когда сил уже не оставалось держаться в седле, и путники поднялись на очередной взгорок, чтобы встать на постой, им, наконец, открылся широкий мыс. На нём, как гнездо орла, разлёгся острог, частокол которого доходил

до трёх саженьей. По мере приближения завиднелись и избы небольшого посада из ремесленных построек и овинов.

Ещё через пару саженьей Зарислава разглядела проезжую башню, высившуюся над тесовыми воротами. Но не величие острога поразило Зариславу. Река с лесистыми кручами была широка и уходила далеко за окоём. Встречая по пути ручейки да родники, Денница вбирала все истоки в себя, обращаясь в полноводное русло. От неё во все стороны, куда ни глянь, распростёрлись скальные крепи да вековые дебри, что разрывали корни хвойного леса. В прозрачном окоёме мерно парили соколы. Одно Зарислава поняла наверняка - место суровое, дикое и верно долго придётся привыкать к этой земле, никак не желающей покоряться человеку. Сам леший ногу сломит. Однако острог был жилым, об этом говорили поднимающиеся к небу столбы чёрного дыма.

- Если и Славен выбрал место, то явно не хотел, чтобы острог кому-то пришёлся по вкусу, - буркнул Заруба.

Его никто не поддержал, и слова утонули в напряжённом молчании.

И только тут Зарислава заметила, как тихо кругом, только лишь поднявшийся ветер шевелит траву. Снова почудилось, что и нет никого из живых душ. Ворота, к которым они ехали, показались слишком скоро и были завешены не щитами да оружием - трофеями воинов, а черепами коз, волов, волков и лосей. Взглянешь на них, и мороз по коже. Зарислава усомнилась на миг, а добрые ли тут люди живут? То, что вольные - убедилась наверняка, такие обереги на ворота не каждый старейшина повесит.

Долго ждать не пришлось, по ту сторону стен поднялась суeta, а следом послышались голоса, замелькали тени в башнях.

Кмети терпеливо выждали гостеприимства, ни у кого из них не вызывала опасения царившая вокруг тишина, однако Заруба поглаживал гриву лошади - успокаивал то ли себя, то ли не в меру растревоженное животное. Взгляд Зариславы невольно пересёкся со взглядом Марибора, который был горящим, что внутри всё разомлело, и страх вмиг схлынул. Хотелось приблизиться к нему, быть рядом, но понимала, что будет только мешаться.

Ворота натужно скрипнули, медленно начали отворяться. Зарислава невольно сжала повод в побелевших пальцах. Перед ними открылся обширный двор, на котором собралось немало народа. Растерявшись, травница оглянулась на тысяцкого. Тот напустил на лицо суровость, смотрел прямо. Марибор хоть и оставался спокойным, но каждый мускул его был напряжён. Он первым тронул вороного, неспешно въезжая во двор. За ним потянулись и остальные. Зарислава успела пристроиться рядом с Вратко, попутно оглядывая такие же, как и снаружи, башни, громоздкие строения, что нависали по обе стороны, будто могучие дебри леса.

Избы теснились друг к другу, а то и вовсе соединялись переходами, создавая два длинных дома, верно для сборов, их ещё в Доловске называли мужскими избами. Здесь они были добротные, крепкие, с высокими крыльцами, с множествами подклетей и погребов. Там жили дружинники и отроки, которых обучали военному делу. Да только среди горожан Зарислава так и не разглядела ни одного воина в кольчуге, однако оружие при себе имели даже женщины, коих оказалось меньше, чем мужчин. Отряд остановился, добравшись до середины двора, упершись в возвышающийся двухъярусный терем с венцами из дуба и резными столбами на крыльце. Кровлю венчали массивные обременные конки из ликов диковинных животных и божеств. Видно, это и был княжий терем, что отстроил Славен.

Марибор свободно проехал ещё чуть ближе, прямо к пламенеющему костру у изваяния щура. Зарислава и кмети остались на месте, и их мгновенно придавило к земле всеобщее людское внимание. Но когда люди разглядели среди пришлых девицу, смягчились, зашушукались, от чего ей сразу сделалось не по себе.

Заруба встал позади всех - мало ли, в порыве всякое может случиться. Марибор спокойно окинул взглядом собравшуюся толпу, что переваливала за сотню. Для острога без хозяина на удивление много.

Зарислава вглядывалась в каждого. Бородатые мужики хмурили густые брови, юнцы, приосанившись, смотрели поверх плеч отцов. Старики в длинных суконных рубахах глядели пристально из-под лохматых бровей. На лицах женщин читался интерес. Все они - коренные жители этих земель - вышли встречать своего князя.

Вперёд из толпы вышли двое крепких русоволосых мужей, а во главе их - такой же крепкий осанистый старец с белой кудрявой бородой до пояса и длинными, до лопаток, волосами. Лоб его перетягивала плетёная из бересты тесьма, крючковатый посох, что сжимал в руке старец, говорил о его высоком чине среди селян. По-видимому, детины приходились сыновьями волхву. Были схожи: оба голубоглазы, с острыми носами, однако один был выше и шире в плечах, верно, старший.

- Здоровы будьте, - произнес старик зычным голосом. - Здоров будь, - обратился он к Марибору.

Тот в свою очередь спрыгнул с лошади, коснувшись дланью груди, склонил чуть голову, произнес:

- И вы будьте здоровы. Моё имя Марибор. Я сын Славера города Волдара.

Старец сощурил глаза.

- Ведомо нам, кто ты. Ждем тебя уже давно, Марибор сын Славера, а как пришла весть, так второй день уже глаза проглядываем. Я Гоенег, волхв капища Световита - живого сотворения. Это мои сыновья. Триян младший и старший Велеба. Коли пожелаешь, будут верными людьми тебе, - осведомил волхв. - Завещал нам князь до твоего появления стены этого города, а за кров и защиту клялись ему перед Богами помогать тебе, вступать в службу мужам и отрокам, нести правду. Стоять плечом к плечу во славу земель и рода, жизнь твою беречь, - произнёс он, ведомо, припасённую загодя речь.

Марибор посмотрел в землю, раздумывая, а потом поднял голову, пристально взглянув на старца.

- Благодарствую за радушие. По нраву мне мудрость твоя. Как видишь я не один пришёл, - Марибор повернулся к кметям, - с верными мне людьми.

- Тех, кто явился с тобой, и кому доверяет наш князь, так же примем всех, - уверил Гоенег.

Зарислава оглянулась на поднявшийся вокруг шум. Люди переговаривались, сбросив с себя хмурость, засверкав глазами. Удалась первая встреча с местными. Наблюдая всё это время с затаённым дыханием за Марибором и волхвом, травница теперь выдохнула свободно.

- Вещали нам Боги, что добро и свет принесёшь в стены этого города, и встречу эту давно ждали мы, а потому прошу очиститься с дороги, - объявил волхв, приглашая путников к костру.

Обычай очищения духом огня Зарислава хорошо знала. И стар и млад ведает, что пламя сжигает все дурные помыслы. Очистит огонь и злых духов, и чернь ночи, что могли прицепиться с дальнего пути.

Марибор, первым зачерпнув ладонями багряное пламя, провёл по лицу, потом снова запустил руки, быстро провёл по шее, третий раз - по груди. Так сделали и Заруба, Вратко, и Стемир, и Будимир.

Зарислава под любопытными взорами подошла к огню последней. Быстро зачерпнув ладонями огонь, плеснула тепло к лицу, шее и груди. Столкнувшись с одобрительными, прозрачно-голубыми глазами Гоенега, Зарислава отступила от священного костра.

- А теперь идёте за мной. Изволь, князь Марибор, попотчеваться с дороги в общей избе с нами.

Отказывать, знамо дело, невежественно, и Марибор последовал за старцем, давая знак кметям идти за ним.

Народ загудел бойчее, провожая воинов. Теперь будет много толка о приезде новом хозяине. Гоенег в молчании провёл путников к длинному дому. Оказавшись в недрах построек, волхв завёл гостей вглубь сумрачного перехода, и вскоре вышли они в просторную горницу с маленькими волоковыми окошками над потолком. Здесь было тепло и сухо, пахло хлебом. Посередине длинный стол с дубовыми резными скамьями. На шум вышли совсем ещё юные девицы, каждому путнику преподнося питьё в больших резных ковшах. За ними из широких дверей с низким сводом вышла статная женщина. Две седые косы падали из-под повоя по плечам, но голубые глаза сверкали молодо. Одета была ярко - в расшитую рубаху и понёву в пол.

- Это моя жена Пригода, - разорвал тишину волхв.

Зарислава искренне удивилась. Не думала, что волхв, ведущий службу Богам и народу, может взять себе жену. Да и верно не каждая женщина сможет нести такую честь, а только особенная - провидица или знахарка. А ведь травница когда-то думала, что не сможет пойти за мужа, коли нареклась жрицею. «Какая же глупая была в неведении своём», - усмехнулась про себя Зарислава.

Когда девицы скрылись с пустыми ковшами, женщина обвела радушным взглядом гостей, каждого поприветствовав кивком, и, когда взгляд её остановился на Зариславе, Пригода улыбнулась ещё теплее, верно, ни сколь, не удивлённая травнице. Все будто ожидали увидеть среди пришлых мужчин молодую девицу.

Марибор, положив руку на спину своей избранницы, сказал:

- Это моя невеста, Зарислава.

Ладонь Марибора в этот миг будто прожгла кожу, как и слова - душу.

Пригода улыбнулась шире и, взяв за руку травницу, заговорила:

- Наслышана уже. Позволь забрать её. Такой красе не место среди мужских разговоров, да и поди, устала с дороги.

Зарислава в удивлении взглянула на Марибора - откуда могли знать это тут? Она ощутила, как рука его стала тяжелее, верно, не желал отпускать от себя.

- Вечером сведетесь за общим столом, - заверила Пригода, увидев заминку княжича.

Зариславу, будто варом окатили. Слова женщины были хоть и понятны, но чувствовала, что за ними скрывается что-то ещё. Под взглядом Марибора она зарделась пуще, но Пригода, не дав растеряться, поманила травницу за собой, уводя в другую клеть, разлучая её с княжичем.

- Пока они наговорятся, будет уже поздняя ночь, а тебе отдохнуть нужно, сил набраться, ночь сегодня настанет не скоро.

Пригода оказалась права, не так-то просто обвыкнуться на новом месте. Тут и глаз до утра не сомкнёшь. Девицы, что хлопотали в поварне, натирали глиняные горшки, другие хлопотали над снедью у печи. Видно, все местные собрались справиться, стол нынче большой будет, на множество людей.

- Малютка! - окликнула Пригода одну из девиц, и отозвалась самая младшая из них, от роду пятнадцати зим, не больше.

- Отведи гостью в нашу баньку, - велела с твёрдостью хозяйка.

Девица, послушно склонив голову, приблизилась к Зариславе и оказалась на полголовы ниже. Глаза Малютки были золотистыми, как мёд, и волосы - светлыми, как ярая пшеница, заплетенными в тугую косу, которая доходила до пояса. Льняное платье делало её фигурку тонкой, на шее рябинового цвета бусы, наверняка подаренные отцом или братом. Как бы то ни было, а девица была из вольных людей.

- Ступай, Малюта проводит тебя. И поспеши, чтобы успеть к трапезе, - с этими словами она отпустила Зариславу.

Малюта повела травницу по тёмным переходам в полном молчании. Вскоре они оказались на небольших задворках, где и топилась баня. И когда девица последовала за травницей в предбанник, Зарислава остановила её.

- Не нужно со мной.

Дважды повторять не пришлось, Малюта хоть и была удивлена, отступила.

- А как же веничком, да водицей облить, в печь дров кинуть? - спросила она напоследок тонким голосом.

- Справлюсь, - сказала Зарислава.

Взявшись за ручку двери, потянула на себя.

- Я буду тут, рядом. Коли что, зови, - услышала она уже с улицы.

Оставшись одна, Зарислава утомлённо стянула с плеча суму, кинула на лавку, вошла в натопленную до невыносимой духоты баню. Просторная, с полатями поверху, лавками. Каменная печь палила жаром, и пахло еловыми шишками с примесью мокрого прогоркшего аромата берёзовых веников, разложенных на дальней лавке под волоковым окошком. Оно было приоткрыто, давая тусклый мутный свет сквозь пар.

Расплетя косу и стянув многослойную одежду, Зарислава налила из кадки горячей воды. Зачерпнув немного, полила на плечо. Тёплые струйки хлынули по спине и животу, обогрели, смывая всю усталость. Мысли ушли не сразу, но время будто остановилось, окуная травницу в пар и безмолвие. Теперь, с наступлением холодов, жизнь замедлит свой ход. Глядя в кадку на поблёскивающую серебром воду, Зарислава осознала, что на новом месте освоиться будет непросто. Но больше всего её волновал Марибор, ведь ему тоже будет нелегко. Он ждёт ответа, ему нужна хозяйка, которая будет поддерживать его. А она не как Радмила, которая может взять всё в свои руки, справиться с любой преградой. Если бы не она, так бы и разрушился Волдар, но теперь она стала княгиней. А какая из Зариславы хозяйка? Выйдет ли что-то путное?

Травница устало выдохнула. Время покажет. Однако всё вело к тому, чтобы взять ответственность на себя за свои поступки. Ведь не совсем искренна с Марибором, всё юлит и убегает от ответа, и от этого делается противно от самой себя. С каких пор она стала такой? Или всегда была, и только теперь всё дурное показывается наружу? Нужно пойти в храм да преподнести дары Богам, чтобы уберегли и защитили. А ещё узнать, что делать с даром. Последнее Зариславу приводило в растерянность. Ни защита Богов, ни собственные убеждения не внушали успокоения, а только страх, неведение и растерянность - это угнетало.

В густом паре она пыталась узнать родной дом, представить себя в избе у Ветрии. Так она успокаивалась, но, подумав о волхве, о том, чему та учила её, как наставляла быть честной, открытой для себя, ощутила, как сердце сжалось в тоске. И чем глубже Зарислава возвращалась мыслями к ней, тем горше становилось. Нехорошо она поступила с матушкой - ушла и пропала. Обязательно нужно её навестить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.